

A stylized graphic illustration of a space helmet. The helmet is shown in profile, with a white interior and a dark blue exterior. A large, bold red question mark is superimposed on the right side of the helmet. The background consists of various shades of blue and white, suggesting a space environment or a complex structure.

**КТО
БЫЛ
ПЕРВЫМ**

КТО БЫЛ ПЕРВЫМ?

ВОПРОСЫ ОСВОЕНИЯ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

С. ВОЛК

КТО БЫЛ ПЕРВЫМ ?

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭМИГРАНТОВ ИЗ СССР (ЦОПЭ)

МЮНХЕН

1961

*О фактах, полумфактах и просто слухах,
говорящих будто бы за то, что тот,
кто в СССР прежде всех был отправлен
в космос, назывался не Гагариным.*

О Г Л А В Л Е Н И Е

Вправе-ли человек сомневаться?	9
Молчать! А не то...	11
Сенсационное сообщение французского корреспондента	14
Однако первой об Ильюшине писала «Дэйли Уоркер» .	19
Также и венгерские коммунисты о чем-то знали . .	24
Ученый с мировым именем заявляет...	28
Запуска ждали, все говорило будто за то, но... . .	34
История с Неделиным	38
Все шишки на голову француза!	42
«Доказательство» по-советски: брань, ругань, оскорбления	44
Ах, бедный, бедный Гагарин !...	49
Куца «информация» в «Известиях»	52
Вспомним кое-что из прошлого	55
Был-ли Гагарин в космосе?	57
ТАСС сообщает «из Пекина...»	61
Вопросов без конца, а где — ответы?	65
Статья в «Дэйли Телеграф»	70
Об искусстве делать из мухи слона и наоборот . .	75
Он или не он?	79

Странно это, странно то	83
В условиях как бы «конспиративности»	86
Слава — вверх!	89
Слава — вниз!	91
Еще насчет ноги под столом	95
Много «рекламы» и стремление ввысь	99
Три дня волнений и возбуждения в Москве	102
«Правда» поступает «по-демократически»	105
А ларчик просто открывался !..	109
Почему?	113
А где же ком-парт-дисциплина ? !	115
Одной ногой в Китае, а другой — на Черном море	117
Противоречий — не оберись!	118
В трех лицах един, а искать высоко — что такое?	121
Каждый-ли спутник можно обнаружить в космосе?	124
Космонавт на почтовой марке	127

ВПРАВЕ-ЛИ ЧЕЛОВЕК СОМНЕВАТЬСЯ?

Вправе-ли человек в чем-то сомневаться, с чем-то не соглашаться? В странах свободного мира на этот вопрос имеется — и может быть — только один ответ: да, конечно! Людям, живущим в условиях демократических свобод, пользующимся демократическими правами, собственно, просто странно, непонятно, что вообще можно поднимать вопрос о том, дано-ли человеку право на сомнение, на несогласие. Для них право иметь во всем, чего бы дело ни касалось, свое собственное, никем не навязанное и никем не диктуемое, мнение — такая же саморазумеющаяся вещь, как, скажем, необходимость питаться, дышать.

Не так, однако, обстоит дело, как известно, в коммунистических странах мира, в частности — в СССР. В СССР нет подлинной свободы мнения, а тем самым и права на сомнение в чем-то, на критическую оценку чего-то, на несогласие с кем-то или чем-то.

Не секрет, например, что советские газеты допускают высказывать на своих страницах — в особенности же по вопросам, имеющим в той или иной степени какой-то политический характер, какое-то политическое значение — только то и такое мнение, которое отражает и выражает точку зрения самой газеты по обсуждаемому или затрагиваемому вопросу, а последняя — то-есть точка зрения газеты — как правило, полностью и во всем совпадает с тем, что по данному вопросу думают те органы и те лица, которые в СССР собою представляют и олицетворяют высшую партийную и государственную власть — скажем, Президиум ЦК КПСС, или же Совет министров СССР или же просто глава этих обоих органов, кто бы им в тот или иной период ни был и как бы он ни назывался.

Иными словами, газеты в СССР существуют не для того, чтобы, скажем, выражать, представлять различные точки зрения по всякого рода вопросам. А еще в меньшей степени их назначение — в том, чтобы служить чем-то вроде трибуны для свободного выражения советскими подданными своего подлинного — не «подогнанного» к партийной точке зрения — мнения по разнообразным вопросам советской внутренней и внешней политики, по вопросам жизни и условий жизни в СССР — и. т. п.

Равным образом никто из советских подданных фактически не вправе также и устно заявлять, утверждать чего-либо, что хотя бы лишь немного противоречило бы официальной партийно-правительственной точке зрения или же «положениям» коммунистической пропаганды. Разве, например, может кто-либо из жителей СССР заявить гласно, во всеуслышание, что что-то и где-то сказанное главой правительства неправильно? Для того, чтобы так поступить, нужно бы уж быть человеком просто отчаянной смелости!

Да, хотя времена в СССР теперь и не сталинские, но места для действительного свободомыслия и свободословия в нем попрежнему нет да нет. Более того, впечатление такое, что шансы на допущение в СССР свободомыслия и свободословия за последние годы даже ухудшились — и продолжают ухудшаться. Так что, разве лишь какая-то совсем-совсем незначительная горсточка, как это принято говорить, «неисправимых» оптимистов в СССР да в остальном мире сохраняют теперь, пожалуй, еще какую-то — слабую-преслабую—искорку надежды, вспыхнувшей было кой у кого чуть-ли не огнем в первые годы после смерти Сталина, когда во внутренней жизни СССР повеяло чем-то вроде своего рода «политической оттепели», на то, что в СССР когда-то, пожалуй, все же могут оказаться допущенными в большей или меньшей степени *действительная* свобода мысли, мнения, слова.

МОЛЧАТЬ! А НЕ ТО...

Органы и представители власти в СССР как не терпели ранее, так и теперь против того, чтобы кто-либо в стране придерживался бы в чем-то — особенно же в вопросах сколь-либо политической или государственной важности, значимости — слишком уж своего собственного мнения — мнения, которое выражалось бы, скажем, не в критике каких-то мелких сошек да разных козлов отпущения, а в несогласии — даже если лишь частичном, робком — с теми да иными решениями, действиями, утверждениями самого режима и его главных органов и представителей. Попробуй только кто-нибудь в СССР так поступить — его по головке за то уж несомненно не погладят! А если погладят, то, конечно, только, как говорится, против шерсти — да при том больно-пребольно!

В СССР дело, собственно, обстоит так, что все, что исходит из уст главнейших руководителей коммунистической партии и советского правительства, о чем пишут «Правда» и другие центральные газеты, в чем уверяет да заверяет ТАСС, по поводу чего надрывается Московское радио, население, не прекословя, должно слепо принимать на веру, как неоспоримую истину. И хотя порою даже малому ребенку, собственно, должно бы быть ясно, что в сообщаемом или утверждаемом правды, как говорится, лишь на пятак, а то, может быть, даже ни на грош, никто в СССР не считает для себя возможным сказать о том вслух или хотя бы лишь робко на то намекнуть.

Ну, а что неправды всякого рода в выступлениях советских правителей, в материалах газет, в сообщениях ТАСС, в передачах по радио, как говорится — не оберись, то это, думается, уж такая всем хорошо известная истина, как, скажем, та, что дважды два равно четырем! Недаром же

шутники говорят, что если бы за счет неправды, преподносимой изо дня в день населению СССР властимущими страны, газетами, радио да пропагандистами и агитаторами всех чинов и мастей, можно было бы жить, «питаясь», скажем, демагогической похвальбой да «победными рапортами» вместо мяса, птицы, масла, молока, то тогда стандарт жизни в СССР был бы, вне сомнения, самым высоким в мире!

Разумеется, что своего рода «свойство» коммунистических руководителей СССР и их пропаганды быть не особенно в ладах, а скорее уж на ножах, с объективной, беспристрастной правдой никак не способствует тому, чтобы сообщаемое, заявляемое, утверждаемое ими не воспринималось бы, как правило, с известным скептицизмом, неверием.

Но если жители СССР и других коммунистических стран вынуждены возникающие у них сомнения по поводу правдивости заявлений и утверждений различного рода, исходящих от партийно-правительственных верхов и их аппарата коммунистической пропаганды, так сказать, «удерживать» лишь для себя, не осмеливаясь высказать их гласно, то граждане стран свободного мира и, в частности, их печать так не поступают. Они, как говорится, «не стеснясь», критикуют, когда считают, что это нужно, те да иные дела коммунистических стран, в частности — СССР, и гласно, во всеуслышание не соглашаются с заявлениями и утверждениями, исходящими от правителей коммунистических стран и органов их пропаганды, когда, на их взгляд, заявляемое и утверждаемое — неправда, ложь или даже просто чушь.

Руководителям коммунистических государств и их органам пропаганды все это, разумеется, никак не нравится. Они ничуть не против того, чтобы граждане демократических государств, скажем, критиковали бы внутренние порядки и дела своих стран, их собственные органы власти и носителей и представителей последней. Против именно такого проявления гражданами в странах Запада данных и гарантированных — при том, не на словах, а действительно данных, и не на словах, а действительно гарантированных — им демократических прав и свобод, в частности — свободы

слова и мнения, ни СССР, ни другие коммунистические государства не имеют — и никогда не имели — что-нибудь против.

Но если кто-либо из граждан свободного мира скажет или напишет что-то негодное, скажем, СССР и его руководителям — или хотя бы для коммунистов вообще, то тогда — беда ему! Тогда омрачается чело Главнейшего среди главных на той части территории нашей планеты, где жизнь людей, ее течение, ее характер определяются не самими людьми, а фактически небольшой горсточкой стоящих над ними «приверженцев» — если при том приверженцев, пожалуй, даже не столько на деле, как на словах — некоего, с позволения сказать, «революционного учения пролетариата», и тогда печать, радио и все прочие средства, все «орудия» коммунистической пропаганды обрушиваются на «провинившегося» — да так, как если бы он был жирной овцой, а они — стайей голодных волков!

СЕНСАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

На положении такой, как в предыдущей главе, своего рода «овцы», на которую набросились «волки», если так можно сказать, «красной масти», довелось в двадцатых числах апреля 1961 года оказаться одному французскому корреспонденту. А «провинился» он перед властимущими в СССР и их органами пропаганды тем, что посмел выступить гласно с заявлением, ставившим как-будто под сомнение достоверность советских утверждений, что до 12 апреля 1961 года в СССР не было ни удачных, ни неудачных попыток запуска человека в космическое пространство.

Журналист, о котором здесь речь, это — специальный корреспондент французского радиовещания и телевидения Эдуард Бобровский. Он находился в Москве, когда в СССР, так сказать, «праздновалась новая победа в космосе», заключающаяся, согласно официальным советским данным и утверждениям, в том, что 12 апреля 1961 года летчик майор Ю. А. Гагарин совершил «первый в мире полет в космосе». Вернувшись же во Францию, Бобровский 21 апреля выступил по Парижскому радио и телевидению с сообщением, гласившим, что еще до 12 апреля в СССР была предпринята попытка запуска человека в космическое пространство, которая, однако, имела негативный результат. Бобровский сказал, что сведения о том он почерпнул в Москве из источника, заслуживающего абсолютного доверия, но отказался назвать его.

Вкратце и в основном, то, что он поведал, сводилось к следующему:

Попытка была предпринята за три-четыре дня до 12 апреля 1961 года. Космический корабль-спутник с космонавтом на борту его совершил три оборота вокруг Земли. Из-за какой-то технической неполадки во время полета прервалась радио-связь между космо-

навтом в кабине космического корабля-спутника и наземными станциями. Этот факт, по-видимому, имел результатом, что космонавт, решивший, должно быть, что он на Землю больше не возвратится, а после какого-то числа оборотов космического корабля-спутника вокруг земного шара сгорит в своей кабине вместе с кораблем-спутником в плотных слоях атмосферы, впал в состояние панического страха и утратил всякий контроль над собой и над своими действиями. А это, в свою очередь, обусловило, видно, что в критический момент спуска космонавт оказался не в состоянии придать своему телу нужное положение в кабине и вследствие того лишился еще и сознания. Он достиг поверхности Земли, правда, живым, но в ужаснейшем состоянии здоровья. Космический полет вызвал тяжелые расстройства в деятельности нервной системы и ряда органов космонавта. Он был ооченелый, как мертвец, без сознания и с пеной у рта, когда его после спуска извлекли из кабины. Также и в течение последующих дней его состояние не было лучшим. Он почти все время пребывал без сознания, находясь под непрерывным наблюдением врачей где-то, видно, в одном из госпиталей в Москве.

Вот — пожалуй, наиболее существенное из того, что Э. Бобровский — специальный корреспондент французского радиовещания и телевидения — поведал в своем выступлении по радио и телевидению в Париже 21 апреля 1961 года. Поскольку он говорил, так сказать, в эфир, то, естественно, представляется затруднительным дать точный, а тем более — дословный, пересказ сообщенного им в его выступлении. Данные, приведенные в настоящей главе и касающиеся того, что Э. Бобровский сказал в его выступлении по Парижскому радио и телевидению, имеют в основе, фактически, не самый текст его выступления, а то, что о сказанном им в эфир писалось тогда в газетах Западной Европы и Соединенных Штатов Америки.

Э. Бобровский назвал также и имя космонавта, который, согласно сведениям, почерпнутым им в Москве, в один из дней, предшествовавших 12 апреля 1961 года, был в СССР запущен в космическое пространство и стал жертвой этого запуска. Космонавтом, сказал корреспондент, был летчик Ильюшин — сын известного советского авиаконструктора.

Характеризуя Ильюшина в качестве честолюбивого сорви-головы, горевшего желанием быть первым человеком в космосе, корреспондент высказал предположение, что связь и положение в СССР отца летчика, видно, помогли, что именно на него, на Ильюшина, пал выбор быть посланным в космос, хотя его подготовка для того началась, согласно словам корреспондента, лишь за несколько месяцев до полета, в то время как «двести остальных молодых русских», по словам Э. Бобровского, готовимых в СССР для космических полетов, проходят усиленную тренировку в течение уже «двух лет».

Э. Бобровский поручился за полную достоверность сообщенного им, хотя, как уже сказано, и отказался назвать источник его информации, указав лишь, что он ее получил «из первых рук» и, при том, не от какого-либо из советских учреждений.

Нежелание французского радио-корреспондента предать гласности источник его информации, разумеется, вполне естественно и понятно. Ведь тот, от кого он ее почерпнул, рассказал ему о всем, очевидно, в доверительном порядке. А в подобных случаях ни один порядочный журналист не вправе и не считает для себя возможным проронить хоть слово чего-то конкретного о том, откуда у него сведения. К молчанию относительно того журналиста в подобных случаях обязывают уж просто неписанные законы журналистской этики.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЧТО ИЗВЕСТНО О ЛЕТЧИКЕ ИЛЬЮШИНЕ

Владимир Сергеевич Ильюшин родился в 1927 году. Его отец — известный советский авиаконструктор С. В. Ильюшин. Уже ребенком В. Ильюшин бывал в воздухе, а в 1943 году, когда он, оставив 8-й класс школы, стал работать мотористом на связном самолете «ПО-2», на котором летал В. К. Коккинаки — известный советский летчик, то последний преподавал 16-летнему юноше первые уроки летного искусства, научив и позволив ему управлять его «ПО-2».

Окончив позднее 9-й и 10-й класс школы, Ильюшин поступил в Военно-воздушную инженерную академию имени Н. Е. Жуковского в Москве. Будучи ее курсантом, он в 1-м Московском аэроклубе овладел техникой управления спортивными самолетами, а затем, закончив 4-й курс, и техникой полета на реактивном истребителе «ЯК-15». В 1951 году Ильюшин с дипломом авиационного инженера окончил академию.

Он стал летчиком-испытателем, и в возрасте 25 лет, после испытательных полетов на серийных самолетах типа «МИГ-15» и «МИГ-17» (военные истребители), получил, имея уже звания летчика-спортсмена и военного летчика, также свидетельство летчика-испытателя, допускавшее его к полетам «на всех типах современных самолетов».

В течение последующих 4 лет он продолжал испытывать и испытывать серийные самолеты, а в середине 1957 года на него пал выбор быть летчиком-испытателем нового типа самолетов «Т-431», который тогда находился еще лишь в стадии конструирования и строительства. Это был «одноместный, свободносущий моноплан со среднерасположенным треугольным крылом и одним турбореактивным двигателем» («Правда», 19. 7. 1959 г.).

По данным в советской печати, новый самолет вначале сильно «капризничал», причем для Ильюшина один испытательный полет на нем чуть было не закончился гибелью, так как двигатель самолета, находившегося в тот момент на большой высоте, вдруг «забастовал» (что с ним, впрочем, уже не раз случалось и до того) и летчику, которому, несмотря на все его усилия, не удалось двигатель самолета снова, так сказать, «пробудить к жизни», не осталось ничего другого, как с неработающим двигателем самолета пойти на вынужденную посадку, закончившуюся для него, однако, благополучно.

Позднее, а именно 14 июля 1959 года, Ильюшин на самолете типа «Т-431» установил, согласно советским данным, новый рекорд высоты, поднявшись по первоначальным сведениям — на 28.760, а по «уточненным» — на 28.852 метров ввысь от поверхности Земли. За это ему 31 декабря 1960 года была вручена в Кремле медаль «Золотая Звезда» с орденом Ленина и с полагающейся к тому грамотой о присвоении звания «Героя Советского Союза».

В последнее время Ильюшин находился в чине подполковника и имел звание инженера-летчика-испытателя 1-го класса.

Его жена Маргарита, урожденная Джапаридзе, имела в 1957 году научное звание кандидата геолого-минералогических наук, а о том, кто она теперь и где, какие-либо сведения, фактически, отсутствуют.

В советских газетах об Ильюшине писалось, что он член КПСС, а в отношении его внешности указывалось, что у него — светлые волосы и серые глаза.

ОДНАКО ПЕРВОЙ ОБ ИЛЬЮШИНЕ ПИСАЛА «ДЭЙЛИ УОРКЕР»!

Рассказанное Э. Бобровским — специальным корреспондентом французского радиовещания и телевидения — вызвало, конечно, интерес — и при том не только в самой Франции, но, собственно, повсюду в мире. Однако ни газеты, ни — фактически — их читатели не восприняли сообщенное им в качестве какой-то действительной сенсации. А причина тому крылась в том факте и обстоятельстве, что французский корреспондент фактически не был первым, выступив с заявлением, что в СССР еще до 12 апреля 1961 года была предпринята попытка запуска человека в космическое пространство. Еще за десять дней до его выступления — и прежде, чем ТАСС поведал о «космическом подвиге» Гагарина — то же самое, по сути дела, уже утверждала одна из газет, издающихся в Западной Европе — а именно газета английских коммунистов «Дэйли Уоркер».

Да, как это, надо полагать, властимушшим в СССР и их органам пропаганды и не неприятно, но, так сказать, «выдумку» о том, что в СССР в один из дней более ранних, чем ставшее ныне «исторической датой» 12 апреля 1961 года, предпринята была попытка космического полета человека, мир впервые услышал не из уст французского радио-корреспондента и прочел о том не на страницах какого-нибудь «буржуазного» издания или «бульварного листка», а почерпнул из газеты, которую никто и ни в малейшей степени не может, разумеется, ни обвинить, ни заподозрить в какой-либо толике чувств недоброжелательства к чему бы то ни было, что коммунистическое и советское, так как она сама — тоже «красная»!

О чем же именно писала в свое время английская коммунистическая газета?

Свое сенсационное сообщение о «предгагаринском» событии она поместила под крупным, кричащим заголовком

на первой странице в номере от 12 апреля 1961 года — который, однако, можно было приобрести, по крайней мере, в Лондоне, уже с вечера 11 апреля — и в сообщении ее говорилось:

Советский космонавт облетает три раза Землю

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК В КОСМОСЕ

Живым обратно, но страдая от последствий его полета

Автор — ДЕННИС ОГДЕН.

МОСКВА, вторник.

Согласно хорошо информированным источникам здесь, Советский Союз запустил первого человека в космическое пространство и доставил его живым обратно на Землю.

Космонавт, о котором говорится, что он — летчик-испытатель и сын советского авиаконструктора, занимающего высокое положение, как можно понять, понес в результате его полета ущерб для здоровья.

Видные специалисты авиамедицины и ведущие ученые в области освоения космического пространства все время находятся около него.

Они держат его под своим неустанным и внимательным наблюдением.

Официальное сообщение, касающееся полета, о котором говорится, что он состоялся в пятницу, ожидается завтра.

Говорят, что космонавт совершил три оборота вокруг Земли на высоте около 200 миль в космическом пространстве до возвращения его, по сигналу от наземных станций, на Землю.

НАПРЯЖЕННОЕ ОЖИДАНИЕ

Его полет был осуществлен в космическом корабле весом около 4¹/₂ тонн и типа, испробованного до того при полетах в космосе с собаками.

С затаенным дыханием город в течение последних 24 часов ожидал официального сообщения о том, что Советский Союз выиграл соревнование в космосе.

В течение всего дня москвичи держали ухо в сторону их радиоприемников.

Вечерние газеты жадно расхватывались и внимательно изучались в поисках подтверждения — или опровержения — многочисленных слухов, циркулировавших в городе среди журналистов и в научных кругах.

К сказанному выше можно добавить, что московский корреспондент «Дэйли Уоркар» Дэннис Огден располагал

сведениями о том, что космонавта звали Ильюшиным. На то, например, указывала американская газета «Нью-Йорк Таймс» в номере от 13 апреля 1961 года.

Итак, как можно видеть, еще 12 апреля 1961 года английская коммунистическая газета «Дэйли Уоркер» писала уже о том, собственно, что полтора неделями позднее заявил и утверждал также и французский «буржуазный» радио-корреспондент.

Ну, а тот факт, что два политически так различных иностранных корреспондента узнают в Москве независимо друг от друга, если, по-видимому, и не совсем в одно и то же время, по сути дела, совершенно одинаковые сведения относительно одного и того же лица и связанного с ним какого-то события, думается, скорее уж должен был бы говорить за то, что узнанное ими — нечто, по крайней мере, не совсем уж далекое от истины, чем, скажем, совсем сплошная «выдумка» или какая-то «фантазия».

ПРИЛОЖЕНИЯ

ТЕКСТ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ В «ДЭЙЛИ УОРКЕР» О ПОЛЕТЕ В КОСМОСЕ «СЫНА ИЗВЕСТНОГО СОВЕТСКОГО АВИАКОНСТРУКТОРА».

Английский текст:

**Soviet astronaut circles the earth three times
THE FIRST MAN IN SPACE
Back alive — but suffering from effects of his flight
From DENNIS OGDEN**

MOSCOW, Tuesday

The Soviet Union has launched the first man into space and brought him back to earth alive, according to well-informed sources here.

The astronaut, said to be the test-pilot son of a top-ranking Soviet aircraft designer, is understood to be suffering after-effects from his flight.

Top aviation medical specialists and leading space scientists are in constant attendance.

They are keeping him under close observation.

An official announcement regarding the flight, said to have taken place on Friday, is expected tomorrow.

The astronaut is said to have completed three orbits around the earth some 200 miles out in space before returning to earth in response to a signal from ground-stations.

EAGER WAIT

His flight was made in a space vehicle weighing about 4½ tons of the type previously tested in space flights with dogs.

The city has for the last 24 hours been waiting with baited breath in expectation of the official announcement that the Union has won the space race.

All day Muscovites have been keeping an ear cocked at their radios.

Evening papers were eagerly snatched up and scanned for confirmation — or refutation — of the many rumours circulating among journalistic and scientific circles in the city.

(„Daily Worker“, April 12, 1961)

Перевод: дан выше.

ОТ АВТОРА

Как в основном тексте книги, так и в приложениях, которые к нему там и здесь даются, переводы с английского и немецкого на русский язык, сделаны самим автором. При переводе автор стремился, прежде всего, к тому, чтобы сохранить и передать возможно точнее и правильнее самый смысл сказанного. Что же касается чисто литературной стороны сделанных переводов, то в этом отношении они в некоторых случаях, видно, могли бы быть и лучше. Имеющийся в книге перевод одного материала с венгерского языка на русский сделан не автором, а одним из участников антикоммунистического восстания в Венгрии в 1956 году, пожелавшим остаться неизвестным.

Автор весьма признателен ему за сделанный перевод.

ТАКЖЕ И ВЕНГЕРСКИЕ КОММУНИСТЫ О ЧЕМ-ТО ЗНАЛИ

Нужно сказать, что газета английских коммунистов «Дэйли Уоркер» не была единственным из всех средств и «орудий» коммунистической «информации» — а еще больше, конечно, пропаганды — в мире, располагавшим до 12 апреля 1961 года какими-то сведениями о том, что «советский» человек в космосе уже побывал. Интервью, которое Кадар — первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии — дал 12 апреля 1961 года корреспонденту газеты «Непсабадшаг» — главного коммунистического органа печати в Венгрии, позволяет заключить, что данные о том же были известны также и венгерским коммунистическим корреспондентам в Москве. Вот — дословно, что по поводу этого было сказано в интервью Кадара, опубликованном в «Непсабадшаг» 13 апреля 1961 года:

Журналисты хорошо известны способностью узнавать о всякого рода фактах, у них — интуиция предугадывать важные события, порою они кое-что даже изобретают. Журналисты, работающие в Москве, привели в волнение меня и большую часть венгерской общественности во вторник днем и вечером. Различного рода сведения о запуске в СССР космического корабля с человеком на борту стали известны. Я не знаю, что некоторые из корреспондентов узнали, а что они изобрели, но последней новостью во вторник вечером было сообщение, что советский ученый Кузнецов заявил накануне вечером для печати, что все условия, необходимые для осуществления космического полета человека, созданы. Узнав об этом, я решил утром хорошенько отчитать Венгерское телеграфное агентство и его корреспондентов за их фантазирование относительно полетов в космосе. Однако

я должен был изменить мой план, так как пришло сообщение Советского телеграфного агентства, которое преисполняет наши сердца неизмеримой радостью и гордостью . . .

В интервью Кадара многое — не совсем ясно. Впечатление — такое, словно он намеренно прибегает к довольно неопределенным, расплывчатым выражениям, формулировкам, оборотам речи и как бы затем и для того, чтобы его слова были бы поняты только теми, кто знает о чем он в действительности говорит, в то время как для тех, кто мало о том проинформирован или же просто вообще не осведомлен, истинный смысл сказанного остался бы, по-возможности, скрытым, не разгаданным.

Однако несмотря на весь «туман», которым полны в интервью слова Кадара, самый факт, что еще до того, как ТАСС сделал свое сообщение относительно Гагарина, венгерские коммунистические корреспонденты донесли уже из Москвы, что в СССР состоялся космический полет человека, в интервью не скрыт. Даже более того, на основании сказанного в интервью можно понять, что о том, а именно во вторник 11 апреля 1961 года, было как-то сообщено даже населению Венгрии, ибо, согласно словам самого Кадара, донесения московских венгерских корреспондентов «взволновали» не только его, но и «большую часть венгерской общественности».

Объявив донесения венгерских корреспондентов из Москвы — предшествовавшие тассовскому о Гагарине — относительно осуществления в СССР полета человека в космосе «фантазиями» и сделав это, как уже указано, лишь задним числом, то-есть уже с упущением нужного и должного момента для того, чтобы сказанное им могло бы еще иметь какой-то действительно опровергательный вес, Кадар, как можно видеть из его интервью, в качестве, так сказать, «довода» тому, что венгерские корреспонденты с их, так сказать, «космическими» сообщениями из Москвы, мол, «фантазировали», приводит, собственно, лишь слова советского ученого Кузнецова, сказанные вечером 11 апреля 1961 года

и имевшие как бы тот смысл, что космического полета человека в СССР еще не было, но он скоро будет. Однако можно-ли эти слова одного из советских ученых действительно рассматривать в качестве как бы какого-то «доказательства» тому, что венгерские корреспонденты в своих донесениях из Москвы о полете «советского» человека в космосе и в самом деле, мол, лишь «фантазировали»? Примерно то, что 11 апреля 1961 года сказал советский ученый Кузнецов, в СССР, собственно, заявлялось и повторялось уже неоднократно раньше. (Так, например, еще 24 августа 1960 года «Правда» писала в своей передовой, что «уже не за горами то время, когда благодарная Родина будет встречать и чествовать своих сынов, возвращающихся на родную Землю из первых космических полетов»). Так что, если в СССР где-то и когда-то говорится или даже заявляется более или менее официально, что космический полет человека состоится скоро, то это отнюдь еще не означает, что его надо бы ожидать уже на следующий день. А с другой стороны, разве не может быть и так, что, несмотря на все заявления такого рода, *практические* попытки его осуществить все же могли бы предприняться когда-то ранее, когда-то в прошлом?

ПРИЛОЖЕНИЕ

КАДАР О «ФАНТАЗИЯХ» ВЕНГЕРСКИХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

(Выдержка из интервью, данного венгерской коммунистической газете «Непсабадшаг»).

Венгерский текст:

Az újságírók arról ismereteseek, hogy jö shimátüak, fontos eseményeket negéreznek, néha még ki is toálnak valamit. A Moszkvában működö újságírók kedd délután és az esti órákban alaposan felbolygattak engem is ugyanügy mint a magyar közvélemény széles réteget. Különbözö hireket hallottunk arról, hogy a Szovjetunióban

fellőtték az első világűrűrakétát, amelyben ember is utazott. Nem tudom mit és hogyan hallottak es találtak ki, de kedd este a teg-
frissebb hír amit hallottam, az volt, hogy Kuznyecov szovjettudós
tegnap este Moszkvában nyilatkozta sajtó útján arról, hogy az
ember világűrűutazásához minden feltétel biztosítva van.

Ennek az általam legutóbb hallott hírnek a hatására elhatároztam,
hogy reggel alaposan összeveszek a Magyar Távíratí Irodával
és annak munkatársaival, hogy fantáziálnak. De tervemet módosítanom
kellett, mert megérkezett hozzánk a szovjet távíratí irodának
a híre, amely mindnyájunkat mérhetetlen örömmel...

(„Népszabadság”, 1961, április 13)

Перевод:

Дан в тексте главы.

УЧЕНЫЙ С МИРОВЫМ ИМЕНЕМ ЗАЯВЛЯЕТ...

Известно, что СССР из работ, ведущихся в нем и слушающих — прямо или косвенно — целям освоения космического пространства, делает много, очень много тайны. И именно в этом обстоятельстве — вина, собственно, тому, что в мире время от времени начинают курсировать слухи, по содержанию неблагоприятные для СССР и связанные с советскими усилиями «завоевать» космос. Конечно, только советские власть имущие в состоянии сказать, насколько те или иные из слухов близки к истине или же, наоборот, от нее далеки. Однако правители СССР в большинстве случаев предпочитают подобного рода слухи просто «игнорировать». А если же они когда-либо считают себя вынужденными на тот или иной как-то реагировать, то, как правило, поступают так, что, не тратя много слов и не прибегая, по существу, к каким-нибудь доказательствам, «со всей решительностью» просто «отметают» его, как-де «ни на чем не обоснованный».

В этой и следующей главах кратко излагаются некоторые из слухов, которые, будучи связаны с вопросами осуществления в СССР космического полета человека, в то или иное время привлекли к себе большее или меньшее внимание в мире. Этим слухам отводится здесь место не с тем, чтобы, скажем, что-то доказать или опровергнуть, а исключительно лишь с целью информации читателя о них. Думается, что читателю должно бы быть не только что небезинтересным, но, пожалуй, даже не бесполезным узнать то да се, касающееся этих слухов — и хотя бы лишь только самое основное, самое главное.

Герман Оберт — немецкий ученый, имя которого широко известно во всем мире. Ему принадлежат большие заслуги в разработке вопросов, связанных с освоением человеком космического пространства. В течение многих лет он в свое время возглавлял «Немецкое общество звездоплавателей» и, как председатель его, послал однажды — в 1929 году — при-

ветствие К. Э. Циолковскому, в котором, касаясь вопросов освоения человеком космического пространства, писал, среди прочего, что «Вы (то-есть Циолковский, — С. В.) зажгли свет, и мы будем работать, пока величайшая мечта человечества не осуществится». Как свидетельство тому, что Запад признает и ценит заслуги Циолковского в развитии идей звездоплавания, эти слова Оберта неоднократно цитировались в различных советских печатных трудах, а также советскими газетами. Более того, «Правда» однажды — а именно в номере от 17 сентября 1957 года — даже озаглавила словами «Вы зажгли свет...», то-есть первыми словами из приведенной выше цитаты, одну из своих статей, напечатанных в связи со столетием со дня рождения Циолковского.

В общем, как можно видеть, профессор Г. Оберт не может быть причислен к каким-то, скажем, «профанам» или «невежам» в области вопросов, касающихся проникновения человека в космическое пространство, а, наоборот, что не отрицается и в СССР, — ученый, которому принадлежат большие заслуги в разработке этих вопросов, и даже один из пионеров в деле разработки их.

И вот именно этот и такой ученый с мировым именем «позволил» себе однажды заявить, что СССР уже раз потерпел неудачу при попытке запустить человека в космическое пространство. Об этом он сказал сперва по ходу лекции, прочитанной им 11 ноября 1959 года в Иннсбруке (Австрия), а затем вторично заявил 13 декабря 1959 года в Нюрнберге (Германия). Согласно профессору Оберту, попытка была предпринята в начале 1958 или же в конце 1957 года, когда, по его словам, в СССР экспериментировали с ракетами для запуска в космическое пространство с человеком на борту. Их, сказал профессор Оберт, запускали с ракетной базы «вблизи иранской границы». Неудачный результат предпринятого тогда запуска человека в космос побудил СССР — согласно сказанному профессором Обертом в его лекции в Иннсбруке — воздержаться от повторения попыток аналогичного рода до тех пор, пока не будет большей гарантии для благополучного исхода их.

Сообщение, говорившие о четырех советских неудачных попытках отправить человека в космическое пространство, сделало 13 декабря 1959 года итальянское телеграфное агентство «Континентале». Согласно ему, эти попытки были предприняты в конце 1957 года, в начале 1958 года и в январе и феврале 1959 года. В первом случае, сказано было в сообщении, советский космонавт по имени Алексей Ледовский был отправлен с ракетой на высоту около 320 километров, но во время полета радио-связь с ракетой внезапно оборвалась. Равным образом и вторая попытка, согласно «Континентале», завершилась тем, что космонавт — а его, по словам телеграфного агентства, звали Терентием Шибориным — навсегда «исчез в космическом пространстве». При третьей же попытке, согласно «Континентале», ракета с космонавтом на борту, которого, как сказано было в сообщении телеграфного агентства, звали Андреем Митковым, взорвалась вскоре после старта. А что касается четвертой из перечисленных телеграфным агентством советских неудач запустить человека в космос, то она, согласно данным агентства, стоила жизни космонавтке по имени Мария Громова.

В конце сентября 1960 года в печати стран Запада было отмечено заявление, сделанное в те дни на пресс-конференции в Сан-Франциско одним из американских ведущих специалистов в области космической биологии — бригадным генералом Военно-воздушных сил США Дональдом Фликингером. Он сказал, что имеются данные, которым следовало бы верить, что несколько месяцев тому назад в СССР были отправлены на высоту примерно 100 километров два объекта с космонавтами на борту: ни один из космонавтов живым на Землю не вернулся. Д. Фликингер, помимо того, высказал предположение, что еще одну неудачу с запуском человека в космос СССР, возможно, потерпел «совсем в недавнем прошлом».

Таковы некоторые из слухов, говорящие и утверждающие, что в СССР еще задолго до апреля 1961 года неоднократно предпринимались, если и с негативным результатом,

попытки отправить человека в космическое пространство. Как сказано уже, здесь об этих слухах сообщается исключительно с чисто информационной целью. Мы хотели бы воздержаться от какой-либо оценки их.

ПРИЛОЖЕНИЯ

О ЧЕМ ПОВЕДАЛО «КОНТИНЕНТАЛЕ»

Английский текст:

... The Italian news agency „Continentale“ reported Saturday that three men and one woman had perished in space bids over the last two years. It quoted „ most reliable sources“ in Prague.

The agency said three men, including a leading Soviet test pilot, were sent up in rockets. The woman, it said, was sent up in a space aircraft similar to the American X 15...

... The astronauts were identified as Alexej Ledowsky, Serenty Shivorin, Andrej Mitkov and Mirija Gromov, the last named being the woman.

„Continentale“ said four separate attempts were made to achieve manned space flight from the Kapustin-Yar missile base... All failed and the astronauts vanished into space. These are the listed attempts:

1— The first astronaut sent up was Mr. Ledowsky, just two years ago. He was lifted aloft in a rocket after putting in months of training shortly after the successful launching of Sputnik II.

Instruments followed him to a height of 186 miles. Then „transmission was interrupted“. Nothing was heard of him again...

2— The second astronaut, Mr. Shivorin, went up in February, 1958, but also disappeared into space.

3— Mr. Mitkov, a leading test pilot, made the third flight last January in a rocket similar to that used to blast Lunik II on to the moon.

4— Mirija Gromov made the fourth abortive attempt in February. The agency said she entered the stratosphere in a space aircraft similar to the American X 15. But that, too, ended tragically, said „Continentale“...

(„New York Herald Tribune“, Dec. 15, 1959)

Перевод:

...Итальянское телеграфное агентство «Континентале» сообщило в субботу, что трое мужчин и одна женщина погибли при попытках проникновения в космическое пространство в течение

последних двух лет. Согласно агентству, оно почерпнуло информацию из «весьма заслуживающих доверия источников» в Праге.

Агентство заявило, что трое мужчин, включая видного советского летчика-испытателя, были отправлены в космос с ракетами. Женщине же, согласно агентству, предназначено было подняться на «космическом» (кавычки наши, — С. В.) самолете, подобном американскому «Х-15»...

(«Х-15» — американский экспериментальный ракетный самолет, на котором до сих пор были успешно осуществлены ряд полетов на очень большую высоту — до 51 с лишним километров — и с очень большой скоростью, доходившей до 5.700 с лишним километров в час, — С. В.).

... Имена космонавтов были даны как Алексей Ледовский, Серентий (правильно, видно, Терентий, — С. В.) Шиборин, Андрей Митков и Мирия (должно быть, Мария, — С. В.) Громова, причем, последнее — имя женщины.

Согласно «Континентале», четыре отдельных попытки были предприняты с целью осуществления полета человека в космос с ракетной базы Капустин Яр (находится примерно в километрах ста на восток и несколько к югу от Сталинграда, — С. В.). .. Все они оказались неудачны и космонавты пропали в космическом пространстве. Вот эти попытки:

1) Первым космонавтом, отправленным — как раз два года назад — ввысь, был г-н Ледовский. После тренировки в течение месяцев он был послан ввысь с ракетой вскоре после успешного запуска «Спутник-II».

Приборы проследили его полет до высоты в 186 миль (примерно 300 километров, — С. В.). Затем «радиосвязь прервалась». Ничего снова о нем не было слышно.

2) Второй космонавт, г-н Шиборин, отправился в полет в феврале 1958 года — и тоже исчез в космическом пространстве.

3) Г-н Митков, видный летчик-испытатель, предпринял третий из полетов в январе этого года с ракетой, подобной той, которая была использована для запуска на Луну «Луника-II» (то-есть «второй советской космической ракеты», — С. В.).

4) Мирия Громова предприняла четвертую из неудачных попыток в феврале. Согласно телеграфному агентству, она проникла в стратосферу на самолете, предназначавшемся для полета в космическом пространстве — подобном американскому «Х-15». Но и этот полет тоже закончился трагически, сообщает «Континентале»...

(«Нью-Йорк Гералд Трибюн», 15 декабря 1959 г.)

ЧТО УТВЕРЖДАЛ ПРОФЕССОР Г. ОБЕРТ

Английский текст:

German rocket expert Hermann Oberth asserted in a lecture in Innsbruck, Austria, Nov. 11 that the USSR had launched a manned space vehicle in 1958 but the accident had happened and that the Russians had decided against future manned space flight attempts until there was more assurance of safety...

(„Facts on File“, 1959, p. 391)

Перевод:

Немецкий знаток вопросов ракетного дела Герман Оберт заверил в лекции, прочитанной 11 ноября в Иннсбруке (Австрия), что СССР в 1958 году запустил в космическое пространство объект с человеком на борту, но запуск имел несчастный исход, и русские решили не предпринимать дальнейших попыток космического полета человека, пока не будет большей уверенности в благополучном их осуществлении...

(«Фэктс он файлз», 1959, стр. 391)

Английский текст:

NUREMBERG, Dec. 14... Hermann Oberth said today the Russians have definitely attempted to put a man into space.

Mr. Oberth said: „I have known for months from American intelligence reports that Russia tried to launch a manned-space satellite near the end of 1957 or the beginning of 1958“.

He said Mr. Ledowsky was fired into space in a rocket during this period, but the rocket failed to orbit. The astronaut was said to have been killed in the experiment...

(„New York Herald Tribune“, Dec. 15, 1959)

Перевод:

НЮРНБЕРГ, 14 декабря... Герман Оберт сказал сегодня, что русские безусловно пытались послать человека в космос.

Г-н Оберт сказал: «Из материалов американских секретных органов я в течение месяцев знаю, что около конца 1957 или начала 1958 года Россия пыталась запустить в космическое пространство спутник с человеком на борту».

Он сказал, что г-н Ледовский был запущен с ракетой в космос в течение этого периода времени, но ракета не попала на орбиту.

О космонавте было сказано, что он при том погиб...

(«Нью-Йорк Гералд Трибюн», 15 декабря 1959 г.).

ЗАПУСКА ЖДАЛИ, ВСЕ ГОВОРИЛО БУДТО ЗА ТО, НО. . .

Когда Н. Хрущев — председатель Совета министров СССР и первый секретарь ЦК КПСС — в середине сентября 1960 года отправился на сессию Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций в Нью-Йорк, то, собственно, все и повсюду в мире ожидали, что его пребывание и выступления на сессии Генеральной ассамблеи будут, так сказать, «подкреплены» чем-нибудь вроде запуска «советского» человека в космос. С тем считаться можно было не только потому, что СССР в прошлом, как правило, приурочивал запуск спутников и ракет к более или менее «знаменательным» или просто «важным» датам и событиям (как, например, запуск космической ракеты на Луну перед отъездом Хрущева с официальным визитом в США в сентябре 1959 года), но также и на основании некоторого ряда фактов и обстоятельств, говоривших как будто со всей видимостью за то, что СССР действительно готовит что-то «особенное» в космосе.

Во-первых, на то словно намекнул сам Хрущев, когда он, будучи — незадолго до сессии Генеральной ассамблеи ООН — в Финляндии, побывал 3 сентября на Электромеханическом заводе в Хельсинки, где, во время осмотра предприятия, обменялся с одним из рабочих несколькими словами о советских спутниках. «Правда» на следующий день писала, что «рабочий шутливо заметил, что Советский Союз, наверное, много стали расходует на спутники, ведь они такие тяжелые», на что Хрущев, согласно «Правде», «также шутливо ответил, что на спутники нужно совсем мало стали». Не совсем так, однако, об этом обмене словами было сообщено в печати западных стран. Со ссылкой на то, что корреспондентам рассказал о разговоре сам рабочий, которого, кстати сказать, звали Олегом Сидаровым, так что, видно, он — русский по национальному происхождению, западные газеты писали, что Хрущев сказал рабочему еще, что «мы собираемся запустить 60-тонный спутник, длиною с поезд».

Нет гарантии, конечно, что рабочий уж совсем правильно понял слова Хрущева: пожалуй, речь была лишь о 6-тонном,

а не 60-тонном спутнике, и слова «длиною с поезд» относились не к самому спутнику, а к его ракете-носителю. (А с другой стороны, если речь скажем, шла действительно о 60-тонном спутнике, то не преследовало-ли сказанное лишь ту цель, чтобы накануне сессии Генеральной Ассамблеи ООН, так сказать, «нагнуть страху» на некоммунистические государства мира?)

Но так-ли это или не так, в каждом случае «анонс» о запуске сверх-тяжелого спутника, сделанный в Хельсинки, представлял собою факт, который в состоянии был, разумеется, лишь подкрепить предположение, существовавшее уже в мире, что в дни сессии Генеральной ассамблеи ООН СССР постарается «поразить» всех и вся каким-то сверх-обычным «новым успехом» в космическом пространстве.

А когда сессия Генеральной ассамблеи ООН уже заседала, то стали появляться различные иные «как-бы признаки» тому, что СССР вот-вот запустит что-то особенное в космос.

За то, например, должен был бы, видно, говорить факт внезапного появления в Тихом и Атлантическом океанах советских судов со специальным оборудованием для наблюдения — радиотехнического, но, может быть, даже и оптического — за объектами, запускаемыми в космическое пространство. Эти суда при том заняли примерно те же позиции, на которых они, вдали от берегов СССР, находились, фактически, всякий раз раньше, когда в СССР что-нибудь запускалось в космос.

Далее, советская правительственная газета «Известия» вдруг решила объявить день 27 сентября 1960 года «типичным днем в истории мира» — днем, о событиях которого «повсюду в мире», а прежде всего, надо полагать, о тех, которые могли бы быть наиболее «выдающимися» (или же даже «сверх-выдающимися»), она ставила себе целью проинформировать читателей особенно обстоятельно и подробно. И хотя в самой газете ни разу и нигде не было сказано чего-либо о том, что именно на этот день может «прийтись» что-нибудь вроде, скажем, «нового успеха» СССР в деле

освоения космического пространства, совсем без намеков на то, если и не на страницах «Известий», дело, по существу, все же не обошлось. Так, несколько раз на то словно бы намекало Московское радио а за несколько дней до самого «дня мира», а именно 24 сентября 1960 года, один из сотрудников бюро ТАСС в Лондоне сказал иностранным корреспондентам, что «не исключена возможность» того, что СССР оный день отметит каким-нибудь «примечательным достижением»,

Не мог не обратить на себя внимания, среди прочего, также и тот факт, что в течение примерно недели, предшествовавшей «дню мира», в эфире наблюдалось резкое усиление радио-связи, особенно радио-телефонной, на частотах, используемых в СССР обычно для получения сигналов и данных от объектов, запускаемых в космос. А поскольку в прошлом, согласно авторитетному заявлению ученых, подобное усиление радио-связи на этих частотах в эфире обычно предшествовало тому или иному новому советскому запуску в космос, то с возможностью того же самого, видно, можно — или, пожалуй, даже нужно — было считаться и на сей раз — в дни сессии Генеральной ассамблеи ООН.

Но, как известно, ни в сентябре, ни в октябре 1960 года ожидавшегося всеми сообщения ТАСС о каком-либо «новом выдающемся достижении» СССР в деле освоения космического пространства, так-таки, не последовало. Советские же специальные суда, словно бы дежурившие в Атлантике и в Тихом океане, как-то незаметно, можно сказать, потихоньку, убрались со своих мест оттуда, «Известия» в своем отчете о «дне мира» словно бы «позабыли» сказать хоть что-либо существенное на тему советского «завоевания» космического пространства, намеков какого-либо рода на то, что вот-вот, ни сегодня-завтра ожидай от СССР чего-то особенного в космосе, больше, собственно, не делалось, равным образом и радио-связь в эфире на частотах советских спутников и космических ракет перестала чем-либо и как-либо выделяться.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЧТО ХРУШЕВ СКАЗАЛ В РАЗГОВОРЕ С РАБОЧИМ НА ЭЛЕКТРОМЕХАНИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ В ХЕЛЬСИНКИ

а) По данным из советской печати:

ХЕЛЬСИНКИ, 3 сентября... Сегодня глава советского правительства Н. С. Хрущев, находящийся в Хельсинки..., посетил электромеханический завод «Стромберг»...

Н. С. Хрущев беседует с рабочими, расспрашивает их о жизни... Один из рабочих шутливо замечает, что Советский Союз, наверное, много стали расходует на спутники, ведь они такие тяжелые. Н. С. Хрущев так же шутливо ответил, что на спутники нужно совсем мало стали...

(«Правда», 4. 9. 1960 г.)

б) В действительности:

Английский текст:

Touring an electrical plant yesterday, Mr. Khrushchev told a worker that the Soviet Union plans to send a 60-ton sputnik into space. He said the sputnik would be „like a train“.

Mr. Khrushchev had been rattling off steel production figures to Oleg Sidarov, an assembly-line worker at the Stromberg factory.

„I suppose you need all that steel for your sputniks?“ said Mr. Sidarov, who speaks Russian.

„No, the sputniks don't use much steel“, replied Mr. Khrushchev. „But we are going to send up a 60-ton sputnik, like a train“.

He did not elaborate on his remarks to Mr. Sidarov, who later told newsmen of the conversation.

(„New York Herald Tribune“, Sept. 5, 1960)

Перевод:

Осматривая вчера (в Хельсинки, — С. В.) электромеханический завод, г-н Хрущев поведал одному рабочему, что Советский Союз планирует запуск в космос 60-тонного спутника. Он сказал, что спутник будет «что поезд».

Г-н Хрущев похвалился цифрами производства стали Олегу Сидарову — рабочему сборочного конвейера завода Стромберга.

«Я полагаю, что вам вся эта сталь нужна для ваших спутников?» — сказал г-н Сидаров, который говорит по-русски.

«Нет, спутникам не нужно много стали», ответил г-н Хрущев. «Но мы собираемся запустить спутник весом в 60 тонн, что поезд».

Он не дал каких-либо пояснений его словам, сказанным г-ну Сидарову, который позднее рассказал репортерам о разговоре.

(«Нью-Йорк Геральд Трибюн», 5 сентября 1960 г.)

ИСТОРИЯ С НЕДЕЛИНЫМ

Итак, осенью 1960 года, в дни сессии Генеральной ассамблеи ООН, ТАСС не выступил с сообщением о каком-либо новом советском запуске в космос. Но должно-ли это значить, что СССР действительно не намеривался «ознаменовать» чем-то особенным и, так сказать, «космическим» сессию Генеральной ассамблеи ООН, имевшую в коммунистическом представлении «историческое» значение, а именно, мол, потому, что на ней присутствовал и, так сказать, «задавал тон» — если уж и не совсем — глава правительства и коммунистической партии СССР Хрущев? Нужно сказать, что далеко не все люди в мире были бы готовы согласиться с тем, что СССР-де ничего не готовил. А многие убеждены, что СССР не только что планировал какой-то особенный запуск в космос, но даже и попытался его осуществить — однако с негативным результатом.

Так, например, еще в середине октября 1960 года примерно в таком духе высказался американский ученый, занимающий важный научный пост при Калифорнийском институте технологии, д-р Уильям Пикеринг. Выступая 13 октября 1960 года на форуме газет мира в Лос Анжелесе, он перечислил ряд фактов, взяв их из сообщений Московского радио за период с 13 по 30 сентября 1960 года, которые, на его взгляд, представляли собой свидетельство тому, что СССР в дни, близкие к начальным числам октября того года, «попытался либо планировал запустить человека в космическое пространство».

13 января 1961 года о наличии «хороших свидетельств» тому, что при неудачных попытках запуска человека в космическое пространство в СССР погибли два космонавта, говорил, выступая на конференции Семинара по вопросам национальной безопасности в Гонолулу, представитель «Ин-

дастриэл Колледж Стаф» Вооруженных сил США подполковник Пол Д. Хикмэн. Он сказал при том, что одна из этих попыток была предпринята во время пребывания председателя Совета министров СССР Хрущева на сессии Генеральной ассамблеи ООН. И были еще различные иные выступления, заявления, высказывания аналогичного характера на ту же тему.

Из последних нельзя не отметить сообщения уже упомянувшегося итальянского телеграфного агентства «Континентале» о том, что в те осенние дни 1960 года, когда в Нью-Йорке заседала сессия Генеральной ассамблеи ООН, в СССР в результате взрыва новой советской ракеты были убиты маршал М. Неделин, генерал-полковник Н. Павловский, специалист по вопросам атомной энергии профессор Д. Ефремов и еще «около 100» иных лиц.

Известно, что в советской печати в свое время писалось, что Неделин — главный маршал артиллерии, главнокомандующий советскими ракетными войсками и заместитель Министра обороны СССР — погиб в какую-то «авиационную катастрофу» 24 октября 1960 года. А что касается Павловского (о должности его в советской печати ничего не было сказано, но, возможно, что он был начальником Главного управления разведки Генерального штаба советских сухопутных и военно-морских войск), то он, согласно советским официальным данным, погиб «при исполнении служебных обязанностей» (но как — об этом опять-таки ничего не было сказано) 21 октября 1960 года. О смерти же Ефремова в советской печати было сообщено месяцем позднее и он, согласно сказанному в газетах, скончался 27 ноября 1960 года «после тяжелой болезни».

Таким образом, советские данные как-будто опровергают утверждение телеграфного агентства «Континентале», что трое вышеназванных лиц — а помимо того еще «около ста» других — погибли при взрыве какой-то ракеты, которая, видно, должна была бы быть отправлена в космическое пространство. Однако если рассматривать вопрос не исключительно с чисто формальной точки зрения, то, собственно,

нужно было бы посчитаться и с такой возможностью, что в советской печати просто *не была названа истинная причина смерти*, по крайней мере, Неделина и Павловского, а, может быть, даже и Ефремова. (Можно вспомнить, например, что когда в 1936 году в СССР умер А. М. Горький, то в советских газетах писалось об *естественной причине его смерти*, а уже спустя сравнительно короткое время, когда в СССР судили «троцкистов», «зиновьевцев», «бухаринцев» и др., в тех же советских газетах можно было прочесть, что А. М. Горький умер *не в силу естественных причин*. Думается, что уже этот факт говорит за то, что в советской печати *не всегда может быть сообщена истинная причина смерти* того или иного лица, тех или иных лиц).

ПРИЛОЖЕНИЕ

К ВОПРОСУ О СМЕРТИ НЕДЕЛИНА И ПАВЛОВСКОГО

Английский текст:

NEW YORK, Nov. 8... „Newsweek“ magazine said yesterday that Soviet missile chief Marshal Mitrofan Nedelin was killed by a rocket explosion and not in a plane crash as the Russians reported.

„Newsweek“ said: „Other rocket command officers and missile experts — perhaps a hundred or more — were killed in the some mishop“ ...

(„New York Herald Tribune“, Nov. 9, 1960)

Перевод:

НЬЮ-ЙОРК, 8 ноября... Журнал «Ньюзуик» заявил вчера, что советский глава ракетных войск Митрофан Неделин был убит взрывом ракеты, а не в авиационной аварии, как о том сообщили русские.

В «Ньюзуик» сказано: «Другие офицеры, принадлежавшие к команде ракеты, и ракетные специалисты — пожалуй, сто или более человек — были убиты при той же катастрофе...»

(«Нью-Йорк Геральд Трибун», 9 ноября 1960 г.)

Английский текст:

The Rome Continentale News Agency reported Dec. 9 that 3 of the USSR's leading missile experts whose deaths recently had been reported — Air Marshal Mitrofan I. Nedelin, Gen. Nicolai O. Pavlovsky & Deputy Chrmn. Dmitri V. Efremov of the Atomic Energy Administration — had been killed in the explosion Oct. 21 of a new Soviet rocket.

(„Facts on File“, 1960, p. 461)

Перевод:

Римское телеграфное агентство «Континентале» сообщило 9 декабря, что 3 ведущих ракетных специалиста СССР, о чьей смерти недавно было сообщено — маршал авиации Митрофан И. Неделин, генерал Николай О. Павловский и заместитель председателя управления по атомной энергии Дмитрий В. Ефремов — были убиты 21 октября при взрыве новой советской ракеты.

(«Фэктс он файл», 1960, стр. 461)

ВСЕ ШИШКИ НА ГОЛОВУ ФРАНЦУЗА!

На сообщения о том, что Ильюшин, советский летчик-испытатель, еще до 12 апреля 1961 года был отправлен в космическое пространство и возвратился оттуда в критическом состоянии здоровья, советская печать впервые реагировала в конце апреля. Иными словами, она сохраняла молчание по данному вопросу до тех пор, пока один из *некоммунистических* иностранных корреспондентов, выступив по радио и телевидению, не рассказал об Ильюшине и его, так сказать, «деле», в общем, того же, что перед тем известно было лишь из сообщений *коммунистических* корреспондентов в Москве.

Почему же советская печать не реагировала сразу — или, по крайней мере, раньше — на сообщения, появившиеся за границей относительно Ильюшина? Думается, что ответ на этот вопрос дает то, как она реагировала на сообщения о нем, когда она на них именно реагировала: «уткой» назвала она их, «явной ложью» и т. д.!

Ну, а если сообщения, сделанные за границей об Ильюшине и о том, что с ним, согласно этим сообщениям, произошло, — «утка» и «явная ложь», то как же, собственно, можно было бы ожидать от советской пропаганды и ее органов, что в этой «явной лжи», в «создании» этой «утки» они обвинили бы — и, пожалуй, должны были бы обвинять в дальнейшем — не «буржуазную реакционную печать» и не каких-то «буржуазных писак», а своих же слуг и «братьев», по политической окраске — иностранных коммунистических корреспондентов!

Поступить так — значило бы нарушить один из неписаных — и «железных» — «законов» коммунистической пропаганды, согласно которому, все, что СССР и его властям не нравится, что им в той или иной степени, так сказать, не по нутру, исходит-де — и может, мол, исходить — только лишь от тех, кто коммунистической пропагандой помещен в лагерь «недрузгов» СССР и коммунизма.

Но того, чтобы виновником или источником чего-то неприятного или нежелательного для СССР и его правителей

мог бы быть или стать кто-то из верных и преданных слуг их — нет, того, согласно коммунистической пропаганде, «не бывает»!

А случись все же так, вопреки всему и несмотря на все, то в таком случае коммунистическая пропаганда старается произошедшее и самый факт его замять, замолчать, а если же это невозможно, то объявить виновником всего и всему не «братьев»-коммунистов, а кого-то другого. И не беда, если тот, на кого в подобном случае падет «выбор», в свершившемся в действительности ничем не грешен или, во всяком случае, — не главный виновник. Важно, чтобы он с точки зрения коммунистической пропаганды и ее органов «хорошо» для того «подходил» бы, чтобы его можно было объявить «главным виновником»!

Так и с «виной» за сообщение о том, что в СССР в «предгагаринские» дни летчик-испытатель Ильюшин совершил космический полет, из которого он, однако, возвратился едва живым. Как сказано, *первыми* о том сообщили коммунистические корреспонденты из Англии и Венгрии и лишь затем — некоммунистический радио-корреспондент из Франции. Но когда советская печать, после немалого периода молчания, сочла необходимым дать «ответ» на «утку» об Ильюшине, то, игнорируя — и полностью замалчивая — факт, так сказать, «приоритета» коммунистических корреспондентов в отношении предания гласности сведений и данных об Ильюшине, она весь свой гнев обрушила на . . . французского радио-корреспондента, как если бы он был бы и первым, и главным и вообще единственным «виновником» того, что мир узнал об Ильюшине нечто такое, о чем в советских газетах к тому времени не было еще ни слова и что коммунистической пропагандой было затем названо «явной ложью».

«ДОКАЗАТЕЛЬСТВО» ПО-СОВЕТСКИ: БРАНЬ, РУГАНЬ, ОСКОРБЛЕНИЯ

Могла быть еще одна причина, почему печать и прочие средства и органы пропаганды в СССР «должны» были полностью замолчать факт, так сказать, «приоритета» иностранных коммунистических корреспондентов в предании гласности сведений, гласивших и утверждавших, что советский летчик-испытатель Ильюшин совершил полет в космосе. Ясно, что если советским подданным была бы известна вся правда относительно «утки» об Ильюшине, то в этом случае их доверие к уверениям и заверениям коммунистической пропаганды, что эта «утка» — мол, «действительно утка», вряд-ли могло бы быть больше — но, наоборот. *только меньше.*

Тогда у советских подданных мог бы, например, возникнуть такой вполне естественный и законный вопрос:

«Если это — «утка», да при том такая, которая, ставя под сомнение достоверность советских утверждений, что Гагарин был-де «первым человеком в космосе», тем самым, бесспорно, должна бы быть так-же в ущерб и репутации — политической, «моральной» и всякой иной — самого СССР, равным образом как и его руководителей, то как же в таком случае объяснить, что именно *коммунистам*, если хотя бы даже и заграничным, принадлежала, фактически, своего рода «инициативная» роль в «создании» этой «утки»? Так, собственно, не должно было бы уж быть», могли бы сказать советские подданные, «чтобы коммунистические корреспонденты, мол, выдумывали бы что-нибудь в ущерб СССР! Тут, скорее, следовало бы уж заподозрить», могли бы сказать, или же лишь подумать, советские подданные, «что на деле-то сообщенное в печати и по радио об Ильюшине практически «уткой» совсем и не было, а лишь советская пропаганда хотела бы теперь сделать из того «утку». А почему? Ну, тому могут быть различные причины. Например,

могло бы быть так, что то, о чем коммунистические корреспонденты сообщили, оглашению совсем не подлежало, а они того, возможно, не знали или же узнали о том поздно, и, как результат того, вот и получился этот неприятный для СССР, для его руководителей и вообще для «дела коммунизма» «ляпсус» с данными об Ильюшине, которые теперь, хочешь-не хочешь, приходится «опровергать».

Вот, примерно, какие мысли, предположения, подозрения могли бы возникнуть у советских подданных, знай они всю правду относительно «утки» об Ильюшине, и, исходя из сказанного, не трудно, разумеется, узреть, что у правителей СССР и их органов пропаганды имелись действительно вполне «веские» причины и основания к тому и для того, чтобы скрыть, утаить от населения СССР тот «прикорбный» факт, что первыми, кто за пределами СССР распространили сведения о том, что советский летчик Ильюшин побывал в космическом пространстве, были — увы и ах — корреспонденты коммунистические, а не французский радио-корреспондент.

Первый советский «ответ» на «утку» об Ильюшине был дан в статье под заголовком «Кто сошел с ума», напечатанной 26 апреля 1961 года в газете «Красная Звезда» — центральном органе печати Министерства обороны СССР. Набранная жирным шрифтом, статья появилась за подписью некоего А. Леонтьева и по замыслу, видно, должна была явиться «уничтожительным ответом» во всех отношениях — как по содержанию, так и по форме. Ну, надо сказать, она с этой задачей не справилась ни на пятерку, ни даже на двойку с минусом. Она фактически ничего не опровергла, а если что и «доказала», то только то, что по «стилю» изложения, а особенно по «силе» его советским газетам нет ни равных, ни хотя бы лишь сколь-либо подобных где бы то ни было в некоммунистическом мире! Но это, конечно, уже ни для кого не новость.

В статье «Красной Звезды», по существу, не найти даже намека на что-либо, что хотя бы чуть-чуть походило бы на действительную критику заграничных утверждений, касаю-

щихся Ильюшина и его «дела», — на критику, которая эти утверждения хотя бы лишь в чем-то и сколь-либо поколебала или в состоянии была бы поколебать. Но зато в статье оберись-не обраться, скажем так, «критики» — брани по адресу тех, кто, согласно статье, мол, «изобрел» и «распространяет» «утку» об Ильюшине, а это-де французский радиокорреспондент да «буржуазные» органы печати!

Ниже цитируются наиболее, так сказать, «содержательные» и «важные места из статьи в «Красной Звезде» за 26 апреля 1961 года:

«Вернувшись из Москвы, месье Бобровский решил подзаработать на Гагарине. Он вытащил из кармана бумажную лестницу и, поставив ее на край чернильницы, полез вверх. 21 апреля ему удалось дотянуться до микрофона парижского радио, и в тот же день его физиономия попала уже на экраны телевизоров. Бобровский заявил, что майор Гагарин был не первым, а вторым человеком в космосе . . . Первым, уверял оратор, был сын известного советского авиаконструктора Ильюшина — Сергей Ильюшин. Чтобы показать, насколько сведущ месье в этом вопросе, поясним сразу же, что Сергеем зовут самого авиаконструктора, а сына его до сих пор звали Владимиром . . .

По утверждению Бобровского, Ильюшин совершил свой полет в космосе за 3-4 дня (он точно не помнит!) до полета Юрия Гагарина. Космический корабль . . . сделал три оборота вокруг земного шара и был возвращен на Землю. Однако Ильюшин якобы подвергся шоку и находится в больнице в «бессознательном состоянии».

Жулик с удостоверением специального корреспондента французского радио и телевидения врал не стесняясь, напропалую. Его утверждения были явной ложью, которая плохо пахла. Тем не менее кое-кому она понравилась. «Утку» французского радио под-

хватили, например, турецкие газеты. Они поспешили добавить от себя, что Ильюшин сошел с ума . . .

К сведению клеветников сообщаем, что ни Сергей, ни Владимир Ильюшины в космосе не летали. Они живы и здоровы. А вот за здоровье месье Бобровского мы опасаемся. Плавая в своей грязной чернильнице, он, очевидно, изрядно наглотался какой-то дряни. Иначе с чего бы ему нести такую чушь?»

Итак, если не говорить о попытке представить французского радио-корреспондента Э. Бобровского в качестве-де «изобретателя» тех сведений, которые в средних числах апреля 1961 года стали известны Западу об Ильюшине, и если не говорить о брани, ругани, оскорблениях по адресу их, мол, «изобретателя», а также некоторых иных лиц, то вся суть «опровержения», даваемого в статье «Красной Звезды» от 26 апреля 1961 года, сводится фактически к голословному заявлению, что все сведения о совершении Ильюшиным полета в космос — «явная ложь», «утка», «чушь», что ни сын, ни отец Ильюшины «в космосе не летали» и что «они живы и здоровы», а с другой стороны — к придирке и, так сказать, пропагандному «обыгрыванию» того обстоятельства, что французский радио-корреспондент неправильно назвал по имени Ильюшина и не сказал с большей определенностью, когда тот, согласно сведениям, почерпнутым корреспондентом в Москве, свой полет в космосе должен был бы совершить. Кстати, во всей статье «Красной Звезды» нет даже и намек на то, где и из какого источника французский радио-корреспондент, согласно его словам, получил его сведения об Ильюшине.

Могут-ли, однако, голословные заявления и мелкие придирки такого рода, как в статье «Красной Звезды», в чем-то поколебать самую суть утверждений, гласящих, что Ильюшин побывал в космосе, а, тем более, их, так сказать, «опровергнуть»? Да конечно нет! Для того нужно было бы уж нечто большее, чем просто мелкие придирки да голословные заверения! Тем более, что для иностранцев — совсем уж не в редкость, что они, говоря о ком-нибудь из русских, при-

нимают отчество его за его имя, так что из какого-нибудь, скажем, «Сергеевича» у них получается «Сергей». А что касается того, что французский радио-корреспондент сказал, что полет Ильюшина в космосе состоялся за «3-4 дня» до «космического подвига» Гагарина, не выразившись о дате полета с большей определенностью, то разве может это быть сколь-либо действительным основанием для придирки? Об этом в сообщении, сделанном французским корреспондентом, было сказано действительно *не с предельной точностью*. Однако о многом другом он *вообще* ничего не сказал: например, ничего о том, где космический корабль-спутник с космонавтом на борту должен был бы быть запущен, каков должен был бы быть его вес и т. д.! Так, почему же «Красная Звезда» не придирается к такому, собственно, более уж серьезному «упущению»? Или, может быть *тут-то* уж она сообразила, что иностранный корреспондент, сообщая о чем-то, касающемся СССР, просто *не в состоянии* знать уж *абсолютно всего*?

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЧТО ТАКОЕ ШОК

Шок — технический термин английского происхождения. Представляя собой своеобразную тяжелую нервно-рефлекторную реакцию организма в ответ на воздействие чрезмерных раздражений, он характеризуется глубоким расстройством и общей подавленностью нервных функций организма, кровообращения, дыхания, обмена веществ и т. д. У больного шоком — тяжелое общее состояние, тело — холодное, пульс и дыхание — едва приметны, лицо — бледное как у трупа и сам он весь — словно окоченелый. Если он не потерял сознания, то ничего словно не видит и не слышит, ко всему безучастен и апатичен, ни в чем не принимает участия и ничего не требует, не жалуется, не кричит, не стонет, на вопросы либо совсем не отвечает или же только про себя чуть слышным шопотом, а взгляд его глаз — неподвижен и точно устремлен куда-то вдаль. По крайней мере, так больного шоком рисует знаменитый русский хирург Н. И. Пирогов в его книге «Начала общей военно-полевой хирургии».

АХ, БЕДНЫЙ, БЕДНЫЙ ГАГАРИН ! . .

Из содержания статьи в «Красной Звезде» от 26 апреля 1961 года можно видеть, что она имела целью не только «опровержение» утверждений о совершении Ильюшиным полета в космическом пространстве, но и приложила немало труда к тому, чтобы сами эти утверждения представить в виде, мол, «направленных» против Гагарина «измышлений», назначение которых-де — подорвать веру в то, что он, как это пишется и говорится в СССР, — «первый в мире космонавт».

Более того, «Красная Звезда» видит — или, во всяком случае, делает вид, что видит — в этих утверждениях лишь один, но не единственный «факт», скажем так, «враждебных выпадов» против Гагарина со стороны его, мол, «ненавистников» на Западе. Согласно «Красной Звезде», уже сразу после того, как «подвиг первого в мире космонавта потряс мир», гагаринские «недруги» в странах Запада — а их «Красная Звезда» рисует как «злых, завистливых, подлых людишек» с «пискливыми» голосами, как «зловредных лилипутов» — «вытащили свои бумажные лестницы и стали карабкаться на нашего Гулливера» (понимай — Гагарина), «пытаясь связать его своими жалкими веревочками». Он у них, согласно «Красной Звезде», «стал внуком князя Гагарина, расстрелянного большевиками», затем они его, мол, «превратили в племянника отставного преподавателя верховой езды . . . Грегори Гагарина» — и т. д. Что можно сказать по поводу всего этого? Да, действительно, были, делались, высказывались такие, скажем уж прямо, *смешные* предположения, догадки. Но разве можно принимать их сколь-либо всерьез? А тем более расценивать их как какие-то, мол, «злонамеренные попытки» в чем-то и как-то «навредить» Гагарину? Для того, чтобы так думать,

нужно бы обладать, право, просто уж «сверх-богатым» воображением!

Что же касается попыток представить утверждения о совершении Ильюшиным космического полета в качестве чего-то такого, что, мол, имеет целью навредить Гагарину, то, думается, здесь дело уже не только в «сверх-богатом» воображении. тут главная цель скорее уж в том, чтобы отвлечь внимание читающих «Красную Звезду» от того факта, что если утверждения о совершении Ильюшиным полета в космосе против кого-то и могли бы быть «направлены», то разве лишь только против тех, кто в СССР всем и вся распоряжается, и что, с другой стороны, они, эти утверждения, представляют собою, вместе с тем, своего рода скрытую критику мимоходом некоторых весьма немаловажных «особенностей» и даже, фактически, самого существа коммунистического государственного и политического устройства СССР. Ибо эти утверждения, по существу дела, не только что допускают возможным, но считают даже как бы само собой разумеющимся», «естественным», «нормальным» для коммунистических правителей СССР, что, исходя-ли из каких-то эгоистических соображений и побуждений, из боязни-ли ущерба для своего «доброе имени» или же в силу чего-то иного, они в состоянии — скрыть, утаить как от населения СССР, так и от всего мира что-то такое, о чем всем людям, собственно, полагалось бы уж как-то быть проинформированными.

А с другой стороны, кто пострадал бы в том случае, если бы, несмотря на все уверения и заверения советских газет, всех органов коммунистической пропаганды в СССР, выяснилось бы, скажем, что утверждения о пребывании Ильюшина в космическом пространстве — не совсем уж «чушь», «явная ложь», «утка»? Гагарин, его репутация? Тоже. Но в первую очередь ущерб был бы для «доброе имени» тех, кто именно всем распоряжается и заведует в СССР. А раз все это так, то естественно, что и «направленными» утверждения, говорящие о совершении Ильюшиным полета в космосе, могут быть — если вообще может быть речь

о том, что они против кого-то «направлены» — прежде всего тоже против тех, кто в СССР — все и вся, а уж никак не против Гагарина!

Просто своего рода «неуважением» по отношению к «Красной Звезде» и к автору напечатанной в ней статьи, так сказать, на «ильюшинскую» тему было бы обойти молчанием тот факт, что статья написана языком, не лишенным своего рода «образности». Думается, однако, что «бумажные лестницы», вынимаемые «из кармана» и ставимые «на край чернильницы», чтобы «карабкаться» по ним на «Гулливера» (по паспорту — Гагарина), как о том черным по белому написано в статье, а равным образом такое занятие, хотя бы даже и для «буржуазного» корреспондента, как «плавание» «в грязной чернильнице» — это не самое лучшее, что по части художественных образов и выражений до сих пор имелось — и имеется — в русской литературе и на русском языке. А что касается, в частности, «Гулливера», то стыдимся признаться, что наш ум — ум обыкновенного смертного — просто не в состоянии ни понять, ни охватить, ни глубины, ни даже смысла сравнения с героем бессмертного произведения Джонатана Свифта—Гулливвером «первого в мире космонавта», или иначе — Гагарина. Почему Гагарин, собственно — «Гулливвер»? Потому, что он, согласно советским утверждениям, побывал в космосе? Но если поэтотому, то в таком случае «лилипуты» — все три миллиарда людей, населяющих земной шар, а в том числе . . . О нет, наш язык просто не поворачивается назвать имена ТЕХ в СССР,кого надлежало бы в этом случае тоже причислить к «лилипутам» ! . .

КУЦАЯ «ИНФОРМАЦИЯ» В «ИЗВЕСТИЯХ»

О том, что на Западе высказаны утверждения, согласно которым летчик Ильюшин в один из дней до «исторического» 12 апреля 1961 года побывал в космическом пространстве, узнали вслед за читателями «Красной Звезды» кое-что и читатели советской правительственной газеты «Известия». Но «Известия» поведали о том не прямо, а, так сказать, окольным путем, перепечатав 28 апреля 1961 года из французской коммунистической газеты «Юманите» статью некоего Пьера Дюрана, озаглавленную «Робот американцев и робот французского радиовещания и телевидения». В «Известиях» эта статья была помещена под заголовком «Роботы лжи» и газета дала ее при том не полностью. Возможно, что редактор «Известий» А. Аджубей (близкий родственник Н. Хрущева, женат на его дочери Раде) «не рискнул» воспроизвести в редактируемой им газете текст статьи из «Юманите» полностью потому, чтобы подданным его тестя и других власть имущих СССР не стало бы уж «слишком много» известно относительно того, что на Западе об Ильюшине и «истории» с ним конкретно говорится.

«Известия» перепечатали статью в таком виде, что читающий ее мог узнать, собственно, только то,

что на Западе имеют место утверждения, согласно которым «Гагарин не был первым человеком, побывавшим в космосе, а что таковым надо бы считать сына советского авиаконструктора Ильюшина, что, согласно этим утверждениям, «первый полет вылился в катастрофу», что «невероятную басню» о всем этом, мол, «изобрел» специальный корреспондент французского радиовещания и телевидения в Москве Бобровский и что Москва, дескать, «опровергла» уже «ложь Бобровского».

В общем, как можно видеть, в том, что «Известия» — советский правительственный орган печати — перепечатали — без каких-либо комментариев и, как это было сказано в газете, «с небольшими сокращениями» — из статьи в «Юманите», содержалось не больше, а еще меньше чего-то конкретного относительно самой «истории» с Ильюшиным, чем о том поведано было за два дня до того в советской газете для военных — «Красной Звезде».

Из статьи в газете французских коммунистов «Известия» перепечатали также ряд «логических доводов», якобы «доказывавших», что в СССР-де «не мог» иметь места какой-то и чей-то полет в космос до 12 апреля 1961 года. Эти «доводы» заключались в следующем:

«Если о полете Ильюшина не было объявлено, то почему же о втором полете, то есть о полете Гагарина, объявили через 10 минут после отправки ракеты? . . . Если первый полет вылился в катастрофу, то зачем было сразу же объявлять о втором полете, после того того как о первом полете ничего не было объявлено? . . .

Если бы Ильюшин три раза облетел вокруг Земли, то его нащупали бы станции слежения . . .»

«Доводов», как можно видеть, было представлено три. Последний из них, приведенный в статье «Юманите» в качестве мнения, высказанного французской газетой «Франсуар» (и о том, кстати сказать, писала в свое время лондонская газета «Таймс»), будет подвергнут рассмотрению в одной из последующих глав данного труда, а именно в главе «Каждый-ли спутник можно обнаружить в космосе?». А что касается первых двух, то о них со всем основанием можно сказать, что им — грош цена!

Ибо, в самом деле, что они, эти, с позволения сказать, «доводы», хотят, мол, «доказать», в чем они пытаются уверить? Они стремятся внушить, что СССР — это-де своего рода «образец честности и правдивости» в мире. А раз это, мол «так», то он, дескать, уж «непременно» поведал бы всем

и вся о неудачах запуска человека в космос в дни, предшествовавшие 12 апреля 1961 года. Но поскольку подобного сообщения не последовало, то это, мол, «доказывает» лишь, что в те ранние апрельские дни 1961 года ни Ильюшин, ни кто-либо другой в СССР «не был»-де запущен в космическое пространство!

ВСПОМНИМ КОЕ-ЧТО ИЗ ПРОШЛОГО

Рисуя СССР в качестве-де «образца честности и правдивости» в мире, «Юманите» — газета французских коммунистов — видно, «запамтовала», что СССР в прошлом уже не раз многое важное и существенное утаивал даже в том, что он по поводу тех да иных его запусков в космическое пространство *предавал гласности*. А это, разумеется, никак уж не способствует тому, чтобы поверить, что СССР, согласно «Юманите», мол, «поведал» бы уж о неудачном запуске человека в космос.

Что же касается конкретных фактов утаивания со стороны СССР важных данных об его спутниках и ракетах в прошлом, то можно вспомнить, например, что когда в ноябре 1957 года был запущен советский второй искусственный спутник Земли с собакой внутри его, то различные ученые в СССР, беседуя с иностранными корреспондентами, говорили, что будет предпринята попытка доставить собаку обратно на Землю. Однако официально в СССР до сих пор утверждается, что такого намерения-де не было. Равным образом СССР по сей день не признает, что фактическая цель запуска первой советской космической ракеты (была запущена 2 января 1959 года) заключалась не в том, чтобы она пролетела мимо Луны, а в том, чтобы она на Луну попала бы, или же, пожалуй, даже в том, чтобы она Луну облетела бы. СССР этого не хочет признать, хотя из текста первого тассовского сообщения об этой ракете, собственно, явствовало с очевидностью, что она была запущена к самой Луне, а не в сторону какого-то пространства вблизи Луны. К сказанному можно бы добавить еще также тот факт, что запуск 4 февраля 1961 года где-то с территории СССР так называемого советского «тяжелого спутника» был осуществлен, видно, не с целью «испробования» его конструкции

как о том, примерно, можно прочесть в советской печати, а представлял собой скорее всего первую — и неудавшуюся — попытку запуска ракеты в сторону Венеры. За то говорят будто наблюдения, осуществленные рядом ученых Запада за остатками этого спутника в космическом пространстве, и сделанные на основании этих наблюдений заключения. Но СССР, как и прежде, готов клясться, что запуску его «венерной» ракеты, осуществленному 12 февраля 1961 года, не предшествовала какая бы то ни было неудачная попытка.

А с другой стороны, если СССР, согласно «Юманите», действительно уж так «честен» и «правдив», когда дело касается информации, имеющей то или иное отношение к его запускам в космос, то почему же он — в лице его правителей и их органов пропаганды — до сих пор *скрывают* от советских подданных *правду* о том, кто и когда в действительности *впервые* заявил, что Ильюшин совершил неудачный полет в космос, почему он не скажет, что это сделала английская коммунистическая газета «Дэйли Уоркер»?

Так обстоит дело с «доводами», приведенными в «Юманите», так сказать, в «доказательство»-де того, что до 12 апреля 1961 года в СССР, мол, «не мог» иметь места какой-либо запуск человека в космическое пространство.

Кстати сказать, утверждение, содержащееся в одном из этих доводов», что о запуске космического корабля-спутника «Восток I» было объявлено, мол, «через 10 минут после отправки ракеты», *не соответствует действительности*. Согласно советским данным, запуск состоялся в 9 часов 07 минут утра по московскому времени, а Московское радио сообщило о том впервые в 10 часов 03 минуты, то-есть, иными словами, не через 10, а через 56 минут после запуска.

БЫЛ-ЛИ ГАГАРИН В КОСМОСЕ?

К сказанному в двух предыдущих главах можно еще добавить, что в статье «Юманите» — в том виде, как она была дана в «Известиях» — имелось немало насмешки над американцами по поводу того, что ни один из американцев к тому времени не побывал в космическом пространстве. Ну, думается, что каждому должно бы быть очевидным, что «Юманите» с ее насмешками, как говорится, «села в лужу»! Ибо уже спустя неделю после того, как «Известия» перепечатали — «с небольшими сокращениями» — статью из «Юманите», первый из американцев, подготовленных для космических полетов, а именно командор Алан Б. Шепард, побывал в космическом пространстве, а вскоре затем полет, аналогичный тому, какой совершил А. Шепард, с успехом повторил еще один американец — капитан Вирджил И. Гриссом. И, что особенно важно, в том, что они действительно побывали в космическом пространстве, нет и не может быть ни малейшего сомнения, так как тысячи людей, в том числе сотни журналистов со всего мира, были непосредственными очевидцами взлета их в космическое пространство и многие другие видели их возвратившимися на Землю действительно из космического пространства. А вот что касается, например, Гагарина, то с его «космическим подвигом», надо сказать, многое по сей день все еще весьма не ясно, так сказать, «загадочно».

Полет А. Б. Шепарда состоялся 5 мая 1961 года, а В. И. Гриссома — 21 июля 1961 года.

Да, хотя ФАИ (Международная авиационная федерация) и «признала» гагаринский «подвиг в космосе» и хотя Гагарин, служа целям коммунистической пропаганды, и посетил в качестве «первого космонавта» ряд стран (при том даже не только лишь коммунистические), в мире, тем не менее, имеются люди, для которых — все еще не факт, что Гагарин действительно побывал в космическом пространстве.

Эти люди — а их число отнюдь не малое — указывают, например, на существенные противоречия, содержащиеся в данных о том, что Гагарин, согласно советским утверждениям, осуществил 12 апреля 1961 года. Эти противоречия — различного рода и в значительном числе — обнаруживаются уже даже при внимательном ознакомлении лишь с советскими материалами на тему о Гагарине и его «космическом подвиге». И сомневающихся в том, что Гагарин побывал в космосе, не смогли «убедить» в противоположном также и дополнительные «факты» различного рода, представленные с советской стороны задним числом в «доказательство»-де тому, что Гагарин в космосе «был», в том числе и специальный кино-фильм, выпущенный в СССР в связи с «космическим подвигом» Гагарина.

Как ни парадоксально, но этот фильм кое-кого даже еще больше укрепил в их сомнениях относительно того, был-ли Гагарин в космосе. В западной печати приводились, например, материалы о том, что различные ученые и специалисты в вопросах освоения космического пространства, просмотрев этот фильм на советской выставке в Лондоне (устроена была летом 1961 года), высказали подозрения, что далеко не все, что в фильме показывается, действительно то, за что фильм это пытается выдать. В частности, сомнения касались подлинности кино-кадров, показывающих Гагарина якобы в кабине космического корабля-спутника, а также ракеты, с помощью которой, согласно кино-фильму, был запущен космический корабль-спутник «Восток». По мнению некоторых ученых и специалистов, ракета эта выглядит так, как если бы она была одной из немецких ракет типа «Фау-2», применявшихся как военное оружие в последнюю войну. А с помощью такой ракеты никакого космического корабля-спутника весом в 4 с половиной тонны в космос не запустишь.

Настоящий труд не ставит себе целью рассмотрение и анализ данных и фактов, касающихся того, что в СССР именуется «первым полетом человека в космосе». Это — большая тема, и ей, равным образом как и полетам в космос

А. Б. Шепарда, В. И. Гриссома и Г. С. Титова (а также, пожалуй, и еще кого-либо другого, кто, может быть, уже в ближайшее время присоединится к числу названных выше «космонавтов с практическим опытом»), должен бы быть посвящен особый труд. Но укажем, что теоретически допустима и такая возможность, что космический корабль-спутник «Восток I» мог бы быть запущен, не имея на борту человека.

Теоретически рассуждая, дело могло бы обстоять и так, что вместо человека с «Востоком I» совершил полет в космическом пространстве лишь магнитофон с заранее записанным на ленту его голосом «космонавта». Магнитофон мог бы быть «пущен в ход» либо еще перед стартом ракеты в космос или же по радиосигналу с Земли сразу же после ее запуска, и лента магнитофона, разматываясь с определенной скоростью в то время, как спутник облетал бы земной шар, позволила бы людям на Земле слышать в соответствующие моменты полета «Восток I» в космосе соответствующие слова «космонавта», передававшиеся бы на Землю при помощи радиопередаточной и прочей аппаратуры спутника с ленты магнитофона, но которые на Земле воспринимались бы как слова, произносимые в космическом пространстве самим «космонавтом».

А когда приблизился бы момент времени, положенный для «возвращения космонавта» на Землю, то последнее, собственно, могло бы быть «осуществлено» таким образом, что «космонавт», облаченный в космонавтский скафандр, поднялся бы на борту самолета на большую высоту над «заданным районом приземления» и, получив затем по радио соответствующий приказ на «возвращение из космоса», прыгнул бы с парашютом с самолета.

Кстати сказать, в ряде материалов, которые были помещены в советских газетах в связи с «космическим подвигом» Гагарина, описывалось приземление Гагарина именно с парашютом, хотя советская официальная версия его «подвига в космосе» говорит о приземлении его вместе с космическим

кораблем-спутником «Восток I». Вот некоторые выдержки из советской печати, говорящие о том, что он, Гагарин откуда-то из выси небес спустился на землю на парашюте:

«Приземление произошло удачно, и Юрий Гагарин . . . сам пошел навстречу людям, увидевшим его еще в небе (подчеркнуто нами, — С. В.).
(«Известия», 13. 4. 1961 г.).

«И когда надо мной раскрылся парашют и я ощутил крепкие стропы — запел» (из беседы Ю. Гагарина с корреспондентом «Комсомольской Правды»,
(«Комсомольская Правда», 15. 4. 1961 г.).

«Космонавт опустился на парашюте. Он управляет парашютом, подтягивая то одни стропы, то другие».
(«Комсомольская Правда», 14. 4. 1961 г.).

«. . . приземление Ю. Гагарина произошло на-редкость хорошо. Пилот-космонавт плавно опустился на одну из лужаек близ пашни. Став сразу на обе ноги, даже не покачнувшись, он сам пошел навстречу увидевшим его людям.

(«Труд», 15. 4. 1961 г.)

«Думали, что при приземлении с парашютом (он) упадет из-за неудобного скафандра. Нет! И этого не случилось. Гагарин приземлился мягко и сразу погасил парашют».

(«Литературная газета» 15. 4. 1961 г.).

ТАСС СООБЩАЕТ «ИЗ ПЕКИНА»...

С чисто формальной точки зрения статья в «Красной Звезде» еще не представляла собой официального советского «ответа» на утверждения о том, что в один из дней, предшествовавших 12 апреля 1961 года, летчик Ильюшин побывал в космическом пространстве. Официальный «ответ» на то надлежало уж дать ТАСС — и он его дал.

Он дал его в виде «корреспонденции из Пекина», датированной 30 апреля 1961 года. Полностью или с теми или иными пропусками советские центральные газеты напечатали тассовскую «корреспонденцию» 1 или 2 мая. В «Правде» она была помещена под заголовком «Грубая фальшивка разоблачена», в «Известиях» название ей было «Рекорд беспардонного вранья», в «Комсомольской Правде» ей предшествовал заголовок «Владимир Ильюшин разоблачает грубую фальшивку», а в «Красной Звезде», «Труде», «Сельской жизни», «Гудке» она была озаглавлена «Летчик Вл. Ильюшин разоблачает грубую фальшивку».

Хотя, как сказано, некоторые газеты в СССР привели текст тассовской «корреспонденции из Пекина» в несколько сокращенном виде, однако ни одна из них не осмелилась нигде и ни в чем внести в самый текст какие-нибудь изменения или дополнения или хотя бы где-то переставить в нем каких-нибудь два слова. А это, очевидно, говорит — и может говорить — лишь за то, что тассовская «корреспонденция», о которой здесь речь, не просто какая-то корреспонденция обычного порядка, значения, а особенная — именно советский официальный «ответ» на утверждения за границей касательно Ильюшина и «дела» с ним, облаченный лишь только в форму «корреспонденции».

В наиболее полном виде — очевидно, без каких-либо пропусков — корреспонденция была напечатана в «Известиях», а также в газетах «Труд» и «Сельская жизнь». Почти совсем без сокращений, упустив лишь имя и фамилию пекинского корреспондента ТАСС, текст «корреспонденции» дала «Прав-

да». В таких же газетах, как, например, «Комсомольская Правда», «Красная Звезда», «Гудок», в тексте «корреспонденции» — по сравнению с тем, как он был воспроизведен, например, в «Известиях» — не хватало уже немало слов, а то даже и целого ряда предложений.

Исходя из сказанного в тассовской «корреспонденции», следовало бы заключить, что Ильюшин накануне 1 мая 1961 года находился в Китае, а именно.

«на курорте в Ханчжоу, куда он, по распоряжению врачей, прибыл две недели тому назад для отдыха и продолжения лечения, чтобы ликвидировать последствия тяжелого повреждения ноги в результате автомобильной катастрофы, происшедшей с ним близ Москвы 8 июня 1960 года».

Согласно «корреспонденции», его там посетил пекинский корреспондент ТАСС Алексей Шаронов и

«Ильюшин заявил корреспонденту, что он не летает уже одиннадцать месяцев после этой катастрофы, в день которой он был доставлен в клинику Московского института травматологии».

После того как, согласно «корреспонденции»,

«через месяц его выписали из клиники с гипсовыми повязками, он был прикован дома к постели до конца января нынешнего года».

В «корреспонденции» сказано было также, что Ильюшин «в последнее время . . . чувствует себя хорошо».

но

«до сих пор ходит с палочкой».

Это в «корреспонденции ТАСС из Пекина» — относящееся непосредственно к самому Ильюшину: где он, мол, находится и почему, что с ним произошло и было и каково его состояние здоровья. Остальная же часть «корреспонденции» посвящена изложению того, что Ильюшин, согласно ей,

заявил, мол, в «беседе» с корреспондентом ТАСС по поводу «измышлений» о нем, а также относительно гагаринского «подвига в космосе». В «корреспонденции» говорится:

«Советский летчик-испытатель Вл. Ильюшин . . . высмеял измышления французской буржуазной печати и радио, распространяющих сенсационные сообщения о том, будто он совершил полет в космос за несколько дней до полета Юрия Гагарина.

Подполковник Ильюшин назвал подобные утверждения «чепухой и бредом». Он заявил, что «г-н Эдуард Бобровский, корреспондент французского радио и телевидения, и его такие же недобросовестные коллеги высосали все это из пальца . . .»

«Нужно потерять последние остатки совести, если они только были у буржуазных писак, чтобы приписывать мне участие в космическом полете в таком состоянии», — заявил Ильюшин.

«Разумеется, — добавил он, — не может быть и речи о том, что я с тяжелым повреждением ноги мог готовиться к космическому полету. Я знаю, — сказал Ильюшин, — что буржуазная пресса не останавливается перед ложью, когда это ей выгодно, но в этом случае, как мне кажется, побиты все рекорды беспардонного вранья».

Ильюшин назвал неумным потуги навести тень на ясный день и посеять сомнения относительно того, что полет Гагарина был первым полетом человека в космическое пространство.

Пользуясь случаем, — сказал подполковник Ильюшин, — я еще раз искренне поздравляю Юрия Гагарина с его выдающимся подвигом и, конечно, — добавил он, — по-хорошему завидую ему».

Таково содержание тассовской «корреспонденции из Пекина». Как можно видеть, в ней не так уж много конкретного на тему самих утверждений, гласящих, что Ильюшин побывал в космосе — ни того, когда, согласно этим утвержде-

ниям, полет Ильюшина должен был состояться, ни того, как и чем для Ильюшина он, согласно тем же утверждениям, закончился. Единственное, что в ней о них сказано, это — лишь то, что такие утверждения имеются, что их, мол, распространяет «французская буржуазная печать и радио», и читающему тассовскую «корреспонденцию из Пекина», помимо того, позволяется догадываться, что «г-н Эдуард Бобровский, корреспондент французского радио и телевидения, и его такие же недобросовестные коллеги» должны были бы иметь какое-то непосредственное отношение к появлению этих утверждений. О том же, что фактически первыми, кто эти утверждения, так сказать, «пустил в ход», были иностранные коммунистические корреспонденты, в «пекинской корреспонденции» ТАСС, разумеется, ничего не сказано.

Так что, тот в СССР, кто до прочтения этой «корреспонденции» в одной из центральных советских газет не знал и не слышал чего-либо конкретного по поводу «истории» с Ильюшиным, также и по прочтению ее не должен был бы уж обладать сколь-либо большими знаниями о том, хотя, правда, по обилию брани, содержащейся в ней, он должен был бы, пожалуй, догадаться, что речь идет о чем-то особенном, о чем-то таком, что властямущие СССР хотели бы утаить, скрыть от своих подвластных.

ВОПРОСОВ БЕЗ КОНЦА, А ГДЕ — ОТВЕТЫ?

Тассовская «корреспонденция из Пекина» об Ильюшине вызывает ряд вопросов. Первый из них касается слов, приведенных в самом конце ее, принадлежащих якобы Ильюшину и гласящих, что, «пользуясь случаем», он «еще раз» поздравляет Гагарина «с его выдающимся подвигом». Что значит «еще раз»? Если «еще раз», то, следовательно, Ильюшин должен был бы Гагарина уже *раньше* поздравить. Но как, когда? По крайней мере, в советской печати на это нет каких-либо указаний. И если основываться только на данных в ней, то можно было бы, скорее, предположить, что Ильюшин Гагарина с его «подвигом» когда-либо раньше не только что не поздравил, но, наоборот, упустил это сделать, когда к тому, казалось бы, имелась как раз подходящая возможность.

Дело в том, что 13 апреля 1961 года в «Правде» было опубликовано поздравление Гагарину с его «историческим полетом в космосе» от советских летчиков-испытателей. Якобы «по поручению летчиков-испытателей» оно было подписано «дважды Героями Советского Союза» В. Коккинаки и С. Амет-Ханом, «Героем Советского Союза» Г. Мосоловым и некоторыми другими. Но хотя Ильюшин — тоже «Герой Советского Союза» и тоже летчик-испытатель, да такой, которому по его достижениям, а в особенности же по известности в то время место среди советских летчиков-испытателей принадлежало, пожалуй, сразу же после Коккинаки, его подпись под поздравлением, странным образом и непонятно почему, отсутствовала.

Но, конечно, может быть и так, что он Гагарина поздравил — если, разумеется, в состоянии был это вообще сделать — как-то в частном, индивидуальном порядке, и советские газеты просто ничего о том не сообщили.

Но, с другой стороны, если он поступил именно так, то разве дозволительно было для советской печати умол-

чать об этом факте, который должен был бы иметь, вне сомнения, немалую пропагандную «ценность» — о факте, что советский летчик, которому в то время еще принадлежал официально советской рекорд высоты, то-есть летчик, который, согласно советским данным, до недавнего времени летал над землей выше, чем кто-либо иной из его коллег, поздравляет того, кто, согласно, опять-таки, советским данным, взлетел еще выше? Кстати сказать, когда майор Г. Титов, согласно советским данным, совершил полет в космическом пространстве, то среди поздравлений ему, опубликованных в советской печати, имелось индивидуальное поздравление от летчика-испытателя Г. Мосолова, который к тому времени официально (по советским данным) «заменял» В. Ильюшина в СССР в качестве рекордсмена-высотника. Но среди поздравлений Ю. Гагарину, помещенных в советских газетах, индивидуальное поздравление от советского летчика-рекордсмена высоты, которым в то время еще был В. Ильюшин, как сказано, отсутствовало! Почему же в одном случае индивидуальное поздравление от летчика — официального советского рекордсмена-высотника в советской печати было опубликовано, а в другом случае в советских газетах не найти было даже и намека о таковом — тем более, что, согласно сказанному в тассовской «корреспонденции из Пекина», Ильюшин-де «поздравил» Гагарина с его «космическим подвигом»?

Этот — один вопрос. А второй касается данных о состоянии здоровья Ильюшина. «Красная Звезда» в статье «Кто сошел с ума», о которой речь была уже выше, писала 26 апреля 1961 года, что Ильюшин «жив и здоров», а в тассовской «корреспонденции из Пекина», датированной 30-м числом того же месяца и того же года, сказано было, собственно, что Ильюшин жив, но никак уж не здоров. Кто же прав? И почему, откуда такое расхождение в данных об его здоровье? Чем его объяснить? Ответа на это — нет.

А теперь — вопрос, который, думается, имеет еще больше оснований, чем два предыдущих, на то, чтобы быть заданным. Это — вопрос о том, почему как раз в то и такое время,

когда в мире говорили да поговаривали, что «за 3-4 дня» до 12 апреля 1961 года советский летчик-испытатель Ильюшин совершил какой-то полет в космическом пространстве, имевший результатом тяжелый ущерб для его здоровья, ему из всех мест на земном шаре надо было быть, если позволено так сказать, где-то у черта на куличках — в Китае, а, скажем, не там, где «добраться» до него не должно было бы быть уж столь трудным — если практически вообще осуществимым — делом, как именно в Китае?

Если все утверждения о том, что он побывал в космосе, это, как о том писалось в советских газетах, — «утка», «чушь» и «явная ложь», то разве не лучше-ли было как для него самого, так и для СССР в целом, в частности — для советских правителей, чтобы он в такое время, когда это о нем утверждалось, находился бы не где-то в Китае, в чем всех и вся хотел уверить ТАСС, а в СССР, скажем, в Москве, и хотя бы лишь раз там где-то публично появился бы? Сделай он это тогда, а не позднее, то в этом случае уж не могло бы быть больше места для каких бы то ни было утверждений, что он в начале апреля 1961 года, побывав в космическом пространстве, вернулся оттуда едва живым, с нервным шоком и чуть-ли не лишившись рассудка. Тогда утверждения о том были бы действительно опровергнуты.

Китай как страна, где Ильюшин, следуя советским данным, должен был находится к началу мая, имеет ту, можно сказать, «неудачную особенность», что именно иностранцам из некоммунистических стран, в частности журналистам, доступ в него особенно затруднен. А между тем, если «факт» пребывания Ильюшина в Китае должен был бы служить, судя по всему, в качестве своего рода «косвенного опровержения» утверждениям о совершении им в апреле 1961 года полета в космосе, то нужно было бы, конечно, лишь желать, чтобы кто-то еще другой, — а не один лишь «Алексей Шаронов», о ком, в конечном счете, с уверенностью не знаешь даже, существует-ли он в действительности или же он просто личность мифическая — Ильюшина повидал бы и с ним поговорил бы.

Но, увы, доступ в Китай для иностранцев, в особенности для не коммунистов, труден, чрезвычайно труден, и потому практически не представлялось возможным проверить достоверность советских заявлений об Ильюшине тем путем, скажем, чтобы просто отправиться в Китай и там попытаться встретиться с Ильюшиным.

А если кому-нибудь даже и удалось бы так или иначе оказаться в Китае, то где же там искать Ильюшина? В Ханчжоу, как было сказано в «пекинской корреспонденции» ТАСС? Но в каком Ханчжоу? Ведь населенных пунктов с этим именем в Китае не один! Так, например, имеется Ханчжоу в провинции Чжецзян — крупный город с населением более 700 тысяч человек, и это же имя можно прочесть на карте провинции Цзянси, как относящееся к населенному пункту с числом жителей, пожалуй, тысяч в десять или около того.

То, что Ильюшин, согласно ТАСС, находился в Китае, не только что, так сказать, «неудачно» для того, чтобы к советским заверениям и уверениям, что он в космосе не бывал, что с ним ничего не случилось, можно было бы отнести без сомнения, но, собственно, просто и непонятно. Почему, собственно, он должен был быть там, именно в Китае, да к тому же еще по предписанию врачей, как было сказано в тассовской «корреспонденции из Пекина»? Следует-ли это понимать, скажем, так, что советские врачи китайским врачам, как говорится, в подметку не годятся, так что Ильюшину оказалось нужным отправляться для «излечения» к китайским врачам?

И почему так внезапно, так вдруг — сразу же после того, как на Западе — а именно в английской коммунистической газете «Дэйли Уоркер» — появились первые сведения о совершении Ильюшиным, с трагическими последствиями для него, полета в космическом пространстве? Почему бы, скажем, врачам было не подождать, пока все, касающееся «измышлений» об Ильюшине, не было бы опровергнуто, скажем, просто фактом публичного появления его, хотя бы даже и с палочкой, где-либо в СССР в средних числах апре-

ля 1961 года, и только уж после того послать его в страну восходящего солнца и неустанно снижающегося жизненного уровня населения, то-есть в Китай?

Вот некоторые из вопросов, которые возникают при знакомстве с тассовской «корреспонденцией из Пекина». Вопросы — без ответа.

СТАТЬЯ В «ДЭЙЛИ ТЕЛЕГРАФ»

Еще раз советская печать выступила по поводу «утки» о летчике Ильюшине 6 мая 1961 года. Как и в первый раз, сделала это опять «Красная Звезда». А непосредственной причиной для выступления ее послужила статья, помещенная накануне, то-есть 5 мая 1961 года, в английской газете «Дэйли Телеграф» и имевшая — в переводе на русский язык — заголовок: «Может быть, что полковник Ильюшин был первым космонавтом».

Автор статьи Дэвид Флойд — комментатор «Дэйли Телеграф» по вопросам, касающимся коммунизма, коммунистических стран и коммунистических дел — не захотел принять слепо на веру, без возражений то, что относительно Ильюшина сказано было и утверждалось в «пекинском сообщении» ТАСС от 30 апреля 1961 года, а также в статье «Кто сошел с ума», напечатанной в «Красной Звезде» от 26 апреля 1961 года.

Один из вопросов, заинтересовавших при том комментатора «Дэйли Телеграф», был связан с фотоснимком, который 1 января 1961 года был помещен в «Красной Звезде» и изображал группу советских летчиков-испытателей на приеме в Кремле у председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. Брежнева. Согласно сказанному в новогоднем номере «Красной Звезды», снимок был сделан 31 декабря 1960 года — после того, как Брежнев вручил изображенным на фотографии летчикам различного рода правительственные награды. А одним из них был Ильюшин: снимок показывал его сидящим за столом рядом с Брежневым.

Сопоставляя факт присутствия Ильюшина в Кремле накануне 1 января 1961 года с утверждением, содержащимся в «пекинском» сообщении ТАСС от 30 апреля 1961 года, о том, что Ильюшин до конца января 1961 года был «прикован к постели», Д. Флойд — комментатор «Дэйли Телеграф» — вполне резонно указывал, говоря об Ильюшине, что:

«Если он был не в состоянии оставить постель до конца января, то для него должно было бы быть невозможным присутствовать на церемонии в Кремле».

Вместе с тем Д. Флойд высказывал в статье мнение, что фотография «Красной Звезды» показывала Ильюшина «hale and hearty». В переводе на русский язык эти английские слова, взятые вместе и относясь к внешнему виду человека, означают «здоровый и веселый» (см., например, «Англо-русский словарь», составленный В. Д. Аракиным, З. С. Выгодской и Н. Н. Ильиной и изданный в 1952 году Государственным издательством иностранных и национальных словарей в Москве, стр. 383).

Далее в статье Д. Флойда говорилось, среди прочего, что:

«Сообщения о том, что он (имеется в виду Ильюшин, — С. В.) пострадал во время полета, подкрепляло отсутствие его имени в списке русских летчиков-испытателей, поздравивших майора Гагарина . . .

Путешественники, возвращающиеся из Москвы, рассказывают о широко распространенном в Москве скептицизме относительно официального отчета о полете Гагарина . . .

Леонтьев, видный политический комментатор, писал 26 апреля в «Красной Звезде», что Ильюшин был «жив и здоров». Русский чиновник (надо бы понимать как «ответственный государственный служащий», — С. В.) подтвердил это двумя днями позже. В то же самое время друг семейства Ильюшиных сказал, что Ильюшин болен и его нельзя видеть . . .

О нем было сказано 29 апреля, что он в госпитале в Москве. А официальное русское сообщение от 2 мая (в этот день в «Известиях» была помещена тассовская «корреспонденция из Пекина», — С. В.) объявило, что Ильюшин с 16 апреля находится в Китае . . .

Более того, русские органы по сию пору не сумели объяснить:

- 1) Почему обычно осторожные британские и венгерские коммунистические корреспонденты в Москве чувствовали себя достаточно уверенными, чтобы, рискуя, по-

жалуй, своей работой и политическим будущим, сообщить о полете Ильюшина?

- 2) Почему венгерские корреспонденты сообщили о полете Ильюшина в столь сильных тонах, что г-н Кадар, венгерский лидер, вынужден был даже сделать им публично выговор? . .

Таковы, в основном, факты, на которые было указано в статье «Дэйли Телеграф» от 5 мая 1961 года, а также вопросы, поднятые и поставленные в ней. Как можно видеть, среди сказанного в статье указанию на то, что на фотоснимке в «Красной Звезде» от 1 января 1961 года Ильюшин выглядел как бы «здоровым и веселым», принадлежало совсем малое место. Если сказать так, прибегая к образным сравнениям (без речательства, однако, за удачность их!), что *все*, о чем было сказано в статье «Дэйли Телеграф», это — так сказать, «слон», то указание на то, какое впечатление Ильюшин производит на фотоснимке в «Красной Звезде» от 1 января 1961, это — по отношению ко всему сказанному в статье «Дэйли Телеграф» — «муха». А как поступила «Красная Звезда», «отвечая» на статью «Дэйли Телеграф» от 5 мая 1961 года? Она из «мухи» сделала «слона», а самого «слона», можно сказать, «не заметила»!

ПРИЛОЖЕНИЕ

О ЧЕМ ПИСАЛА «ДЭЙЛИ ТЕЛЕГРАФ»

Из статьи Д. Флойда в «Дэйли Телеграф» от 5. 5. 1961 г., ниже приводятся некоторые — как думается, наиболее интересные — выдержки:

Английский текст:

... A Russian Press photograp discovered yesterday provided the first tangible evidence that Col. Ilyushin, son of the Russian aircraft designer, could have been the first man in space. A Russian official statement on Tuesday said this was impossible, because he was unfit.

It added that Col. Ilyushin was „bedridden” from June, 1960, until the end of January, 1961, and was even now recuperating in Hangchow, China.

But the „Krasnaya Zvezda“, the official news paper of the Defence Ministry, published a picture of Col. Ilyushin on Jan. 1 last showing him hale and hearty in the Kremlin on New Year's Eve...

...The Russian statement was put out to refute reports, widespread in Russia and the West, that Col. Ilyushin had preceded Major Gagarin into space.

But if he was unable to leave his bed right up to the end of January it would have been impossible for him to attend the Kremlin ceremony.

First reports that Col. Ilyushin made the first space flight were sent from Moscow by Communist correspondents on the eve of the official claim that Major Gagarin had made a successful flight.

Reports that he had been injured during the flight were supported by the absence of his name from the list of Russian test-pilots congratulating Major Gagarin...

...Travellers returning from Russia report widespread scepticism in Moscow about the official account of the Gagarin flight.

This has been caused by the contradictory statements issued by the Russia propaganda organs, in their efforts to „kill“ the Ilyushin account...

...Leontjev, a leading political commentator, wrote on April 26 in „Krasnaya Zvezda“... that Ilyushin was „alive and in good health“. A Russian official confirmed this two days later.

At the same time a friend of the Ilyushin family said that Ilyushin was ill and could not be seen. He was said on April 29 to be in a hospital in Moscow.

The official Russian statement of May 2 stated that Ilyushin had been in China since April 16...

Moreover, the Russian authorities have so far failed to explain:

1. Why normally cautious British and Hungarian Communist correspondents in Moscow felt confident enough to report the Ilyushin flight at the risk of their jobs and political future?
2. Why the Hungarian correspondents reported the Ilyushin flight so strongly that Mr. Kadar, the Hungarian leader, was forced to rebuke them publicly?

Перевод:

... Русская газетная фотография, обнаруженная вчера, представляла первое ошутимое доказательство тому, что полковник Ильюшин — сын русского авиаконструктора — мог быть первым человеком в космосе.

Русское официальное сообщение во вторник заявило, что это было невозможным, ибо он был не здоров. Оно добавило, что полковник Ильюшин был «прикован к постели» с июня 1960 года

по конец января 1961 года, и даже теперь находится на излечении в Ханчжоу (Китай).

Но «Красная Звезда» — официальная газета министерства обороны — опубликовала 1 января фотографию с полковником Ильюшиным, показывавшую его здоровым и веселым накануне нового года в Кремле.

... Русское официальное сообщение имело назначением опровергнуть утверждения, широко распространенные в России и на Западе, что полковник Ильюшин перед майором Гагариным побывал в космосе.

Но если он был не в состоянии покинуть постель до конца января, то для него должно было бы быть невозможным присутствовать и на церемонии в Кремле.

Первое сообщение относительно того, что полковник Ильюшин совершил первый полет в космосе, были посланы из Москвы коммунистическими корреспондентами накануне официального утверждения, что майор Гагарин сделал успешный полет.

Сообщения о том, что он пострадал во время полета, подкрепляло отсутствие его имени в списке русских летчиков-испытателей, поздравивших майора Гагарина...

... Путешественники, возвращающиеся из Москвы, рассказывают о широко распространенном в Москве скептицизме относительно официального отчета о полете Гагарина.

Это вызвано противоречивыми заявлениями, сделанными русскими пропагандными органами, в их усилиях «убить» утверждения о полете Ильюшина...

... Леонтьев — видный политический комментатор — писал 26 апреля в «Красной Звезде», что Ильюшин был «жив и здоров». Русский ответственный государственный служащий подтвердил это двумя днями позже. В то же самое время друг семейства Ильюшиных сказал, что Ильюшин болен и его нельзя видеть.

О нем было сказано 29 апреля, что он в госпитале в Москве. А официальное русское сообщение от 2 мая объявило, что Ильюшин с 16 апреля находится в Китае...

... Более того, русские органы по сию пору не сумели объяснить:

1) Почему обычно осторожные британские и венгерские коммунистические корреспонденты в Москве чувствовали себя достаточно уверенными, чтобы, рискуя, пожалуй, своей работой и политическим будущим, сообщить о полете Ильюшина?

2) Почему венгерские корреспонденты сообщили о полете Ильюшина в столь сильных тонах, что г-н Кадар, венгерский лидер, вынужден был даже сделать им публично выговор?..

ОБ ИСКУССТВЕ ДЕЛАТЬ ИЗ МУХИ СЛОНА И НАОБОРОТ

Хотя на статью «Дэйли Телеграф» в «Красной Звезде» от 6 мая 1961 года было «отвечено» достаточно пространно, однако сказанное ею сводилось, по существу, лишь к утверждению, что по фотографии, помещенной в ее новогоднем номере, судить о состоянии Ильюшина нельзя, и к стремлению доказать, что Ильюшин тогда был болен. Помимо того, «ответ» в «Красной Звезде» содержал — что, разумеется, и можно было ожидать — не мало оскорбительных слов по адресу комментатора «Дэйли Телеграф». «Досталось» в нем и «жалким пигмеям-одиночкам из западной прессы», в том числе — в особенности и еще раз — и Э. Бобровскому — специальному корреспонденту французского радио и телевидения.

Но что касается того, чему в статье «Дэйли Телеграф» принадлежало *действительно важное* место, то его «Красная Звезда», видно, «не заметила»! Во всяком случае, она ни словом не обмолвилась о том, что в статье, которую она «опровергает», речь была не только — и далеко не только — о том, как Ильюшин выглядел на фотографии, помещенной в «Красной Звезде» 1 января 1961 года.

С тем, видно, чтобы сказанное ею имело бы более «убедительный» вид, «Красная Звезда», прежде всего, прибегла к своего рода «политически осмысленному» трюку с переводом с английского на русский слов «hale and hearty». Она перевела их не так, как их переводит, скажем, англо-русский словарь советского же издания (см. предыдущую главу), а, так сказать, в более «подходящем» значении для нее и для целей ее «ответа». Если, согласно советскому словарю, эти слова означают по-русски «здоровый и веселый», то «Красная Звезда» их «перевела» как «крепкий и бодрый». А «здоровый и веселый» и «крепкий и бодрый» — это, разумеется, не совсем одно и то же. К словам «здоровый и весе-

лый», как к своего рода «оценке» того, какое впечатление Ильюшин производит по своему внешнему виду на фотоснимке, опубликованном 1 января 1961 года, было бы, собственно, просто трудным придаться, потому что Ильюшин на снимке — действительно весел и, по крайней мере, по своему внешнему виду не выглядит уж как человек, который до того все время был «прикован к постели» и после того должен будет еще целый месяц в ней оставаться. А «крепкий и бодрый» — это уж не то, это уж нечто большее! К этим словам уже можно бы придаться! Потому что они, собственно, говорят уже не только о *внешнем виде* человека на фотографии, как скорее об его *физическом состоянии* в момент фотографирования, о том, как он себя тогда должен был бы *физически чувствовать*, а не только *внешне выглядеть*.

А «доказав» таким путем, что Дэвид Флойд в своей статье в «Дэйли Телеграф», мол, «уверяет, что советский летчик был тогда „крепким и бодрым“» (именно так, дословно, сказано это в «ответе» «Красной Звезды»), советская военная газета после того «kozyряет» своим первым «аргументом», так сказать, в «доказательство» того, что Ильюшин на приеме в Кремле под Новый год не был-де здоровым. Этот «аргумент», можно сказать, чисто «логического» характера и гласит, выражая, очевидно, не только мнение того, кто подписал «ответ» в «Красной Звезде», но и самой «Красной Звезды», примерно так, что для установления того, был-ли Ильюшин, присутствуя на приеме в Кремле, больным или здоровым, нужно было бы в тот момент, когда делался снимок группы летчиков, залезть под стол, за которым летчики вместе с Брежневым сидели, и ощупать там, под столом, ногу Ильюшина.

Второй из аргументов «Красной Звезды», преследовавший цель доказать, что Ильюшин 31 декабря 1960 года не мог быть совсем здоровым, выглядел более серьезным. Этим аргументом была фотография, которой «Красная Звезда» дополнила свой «ответ» на статью в «Дэйли Телеграф» и показывавшая Ильюшина вместе с летчиками В. Ковалевым,

И. Сухомлиным, А. Якимовым, Г. Мосоловым и Я. Верниковым стоящими на тротуаре — который на снимке поблескивает так, как если бы он был мокрым — на Красной площади в Москве, у Кремлевской стены. Согласно тексту в «Красной Звезде», эта фотография была сделана в частном порядке 31 декабря 1960 года, а именно после получения летчиками, показанными на ней, правительственных наград в Кремле. На снимке у Ильюшина в левой руке — трость, а правая нога его словно обмотана чем-то несколько неопределенным по форме и очертаниям и темноватым на внешний вид, но что, согласно сказанному в «Красной Звезде», должно бы быть гипсовой повязкой. «Красная Звезда», однако, не объясняет, почему, вопреки общеизвестному факту, что гипс — белого цвета, гипсовая повязка на ноге Ильюшина, как она видна на снимке, примерно такого же цвета, как его шинель и брюки. Но, конечно, вполне может быть, что то, что видно на фотоснимке, не сама гипсовая повязка, а лишь нечто, надетое либо намотанное поверх ее, так что самой-то гипсовой повязки на фотографии не видеть и она лишь должна бы находиться на его ноге под тем, что на снимке видно.

Иной скептик, рассматривая фотографию, пожалуй, сказал бы даже, что гипсовая повязка на ноге Ильюшина выглядит не совсем так, как она нормально должна была бы выглядеть. Он сказал бы, пожалуй, что степень цвета более темных и более светлых мест и их распределение на гипсовой повязке как бы несколько не согласуется с безусловно нормальной и естественной степенью цвета более темных и более светлых пятен и их распределением на остальном снимке, в частности — на шинели, на брюках, на ботинке левой ноги Ильюшина, а также на его фуражке, на его лице. Но если это, скажем, и могло бы быть действительно так, то значит-ли, что из всего этого нужно бы сразу, немедленно делать заключение, предположим, такого рода, что гипсовая повязка на ноге Ильюшина появилась каким-то об-

разом, дескать, уже после того, как снимок был готов? Конечно, никому нельзя запретить так думать, это предполагать. Но разве не может быть и так, что снимок просто не совсем хорошо удался и при том, скажем, как раз в той части, в том месте его, где на нем видна гипсовая повязка на ноге Ильюшина?

В заключение данной главы — еще короткое замечание относительно трости, которую Ильюшин на «частном» фотоснимке, помещенном в «Красной Звезде», держит в *левой* руке. Почему в *левой*, если поврежденной ногой у него должна бы быть *правая*? Как правило, люди с поврежденной ногой пользуются тростью для того, чтобы именно *поврежденной* ноге при ходьбе было бы легче. А в этом случае трости нужно бы быть в *той же* руке — *левой* или *правой*, *какая нога* — левая или правая — у человека не в порядке.

ОН ИЛИ НЕ ОН?

После того, как «Красная Звезда» и ТАСС привели целый ряд «доказательств» в «опровержение» утверждений о том, что в один из дней, предшествовавших 12 апреля 1961 года, Ильюшин с тяжелыми последствиями для своего здоровья совершил полет в космос, в советской печати, а именно опять-таки в «Красной Звезде», был помещен еще один материал, который, видно, должен был уж «окончательно рассеять» все и всякие подозрения, что с Ильюшиным что-то и когда-то случилось в космическом пространстве. Этим материалом была статья информационного содержания под заглавием «Наши дорогие гости» и фотография к ней в «Красной Звезде» от 21 мая 1961 года.

В статье рассказывалось, что по случаю 39-й годовщины существования организации советских юных пионеров в стенах редакции «Красной Звезды» устроен был своего рода «праздник», на котором пришедшие «в гости к коллективу военных журналистов» газеты «представители пионерских дружин» из «различных углов» СССР встретились с рядом «знатных людей страны». А в качестве последних в газете перечислялись: «Герой Советского Союза», генерал-майор авиации А. В. Ляпидевский, генерал-лейтенант запаса М. А. Антонюк (согласно данным в советской печати, скоропостижно скончался в первых числах августа 1961 года, — С. В.), шахматный гроссмейстер В. В. Смыслов, «Герой Советского Союза», капитан 1-го ранга, командир красногвардейской краснознаменной подводной лодки «Л-3» В. К. Коновалов, участник подпольной организации «Молодая Гвардия» в Краснодаре майор Г. М. Арутюнянц, «Герой Советского Союза», летчица Таманского авиационного полка И. Ф. Себрова и «Герой Советского Союза», летчик-испытатель, мировой рекордсмен, подполковник В. С. Ильюшин.

Согласно сказанному в газете, все эти «знатные люди» не просто лишь присутствовали на «празднике», но и каждый из них — а в том числе и «Герой Советского Союза, летчик-испытатель, мировой рекордсмен подполковник В. С. Ильюшин» — по ходу «праздника» выступил перед юными пионерами, рассказав им что-либо.

Что же касается фотоснимка, данного в «Красной Звезде» к статье, то он представлял собой групповую фотографию «дорогих гостей» газеты, заснятых, должно быть, в одном из помещений редакции. На переднем плане фотографии при том были видны — сидевшими в один ряд на стульях — семеро «знатных людей», а позади их стояли, частично — со знаменами, примерно дюжины три юных пионеров. Из текста, данного в газете к снимку, следовало, что Ильюшиным на нем был молодой человек в форме военного летчика, сидевший в ряду «знатных людей» вторым справа, между генералами Ляпидевским и Антонюком.

Хотя лица изображенных на снимке не отличались особенно уж хорошей ясностью и четкостью черт, занимая каждое «по площади», собственно, не более 1 кв. см., все же представлялось возможным установить, что молодой человек в форме летчика на нем (снимок, кстати сказать, показывал кое-где следы довольно грубой подретушировки), выглядел Ильюшиным если, может быть, и не на все, как говорится, сто процентов, то, во всяком случае, почти на сто процентов. А раз так, то, видно, не должно бы быть места каким-либо «подозрениям», что тот, кто как советский летчик-испытатель Ильюшин присутствовал на «пионерском празднике» в редакции «Красной Звезды», мог бы быть в действительности кем-то, мол, другим, а совсем не Ильюшиным!

Об этом необходимо особо сказать, и это необходимо особо подчеркнуть потому, что кое-у кого, пожалуй могут возникнуть «подозрения» подобного рода. И нужно уж сказать, что, по крайней мере — теоретически, возможность осуществления в СССР такого обмана, что из тех или иных соображений, в силу тех

или иных причин кто-то и когда-то мог бы быть выдан за кого-то, кем он совсем не является, не должна бы рассматриваться как нечто уж такое, чего-де в СССР «не может» и «не могло бы» быть!

Но хотя внимательное сравнение внешности, скажем так, человека, изображенного на фотографии в «Красной Звезде» от 21 мая 1961 года и названного Ильюшиным, с внешностью Ильюшина на фотографиях его — или с ним — в советских газетах за последние 2-3 года (см., напр. «Правду» от 19. 7. 1959 г., «Известия» от 19. 7. 1959 г., «Комсомольскую Правду» от 26. 7. 1959 г. и 3. 1. 1961 г., «Красную Звезду» от 19. 7. 1959 г., 1. 1 1961 г. и 6. 5. 1961 г., «Советскую авиацию» от 19. 7. 1959 г., «Советскую Россию» от 19. 7. 1959 г., «Советскую Латвию» от 2. 8. 1959 г.) кое в чем, как-будто бы, и устанавливает ряд каких-то различий, думается, однако, что это — еще не причина и не основание, чтобы сомневаться в идентичности человека, изображенного на фотоснимке в «Красной Звезде» от 21. 5. 1961 г. под именем Ильюшина, действительно с Ильюшиным.

Итак, исходя из того, что в «Красной Звезде» от 21 мая 1961 года можно было прочесть и увидеть, следовало бы заключить, что на начало 20-х чисел мая 1961 года Ильюшин был жив и пребывал в Москве. Но если это должно было бы быть даже и так, то значит-ли, что тем самым, мол, все утверждения о том, что Ильюшин 7 апреля 1961 года — или около того — побывал в космическом пространстве и, как результат того, понес тяжелый ущерб для своего здоровья, «можно»-де считать, так сказать, «опровергнутыми»? Думается, что нет! Вот если бы «показ Ильюшина» состоялся бы, скажем, в средних числах апреля 1961 года, то-есть спустя примерно лишь неделю после той даты, когда Ильюшин, согласно утверждениям, имеющимся в мире, совершил неудачный полет в космос, то тогда, конечно, уж имелось бы основание, чтобы усомниться в справедливости этих утверж-

дений. За неделю человека, понесшего тяжелый ущерб для здоровья в результате неудачного полета в космическое пространство, вряд-ли можно сделать здоровым. И если тот, о ком говорят, что он с тяжелыми последствиями для здоровья совершил полет в космос, уже спустя неделю после того дня, когда он, согласно утверждениям, должен был бы побывать в космосе, показывается где-то на людях — живой, здоровый и невредимый, то о чем же еще ином это должно и могло бы говорить, как не о том, конечно, что с ним за неделю до того ничего в космическом пространстве не случилось, ничего случиться не могло!

Но от 7 апреля до 20 мая времени — не неделя, а шесть недель. А за шесть недель, как думается, человека, побывавшего в космическом пространстве и понесшего в результате того тяжелый ущерб для здоровья, можно было бы уж вылечить от всех болезней и расстройств в деятельности его организма и органов последнего, обусловленных неудачным ходом — и исходом — его полета в космос.

СТРАННО ЭТО, СТРАННО ТО . . .

Кое-что, связанное с «пионерским праздником» в стенах редакции «Красной Звезды», представляется, право, довольно странным.

Это, в частности, касается уже самого факта устройства его именно *данной* газетой. Как-никак, «Красная Звезда» — это специальная *военная*, а не какая-нибудь, скажем, пионерская или хотя бы комсомольская газета. И вдруг, пожалуйста, ни с того — ни с сего, *пионерский* «праздник»!

Это все было бы еще понятно, если бы «Красная Звезда», скажем, вообще регулярно так или иначе отмечала бы по особому юбилейные даты советской пионерской организации. Но из ознакомления с номерами ее за ряд последних лет не вынести такого впечатления, чтобы это «коллективом» ее журналистов и прочих работников практиковалось бы. Только, вот, 39-ую годовщину существования советской организации юных пионеров она почему-то решила «отпраздновать». Почему же, спрашивается *именно 39-ю, а не 40-ю, почему именно в этом, то-есть в 1961-м, году?*

Ответ, который на этот вопрос невольно напрашивается, это — тот, что «празднование» 39-летия советской «юной пионерии» данной газетой представило собой, пожалуй, *не самоцель*, а лишь своего рода *формальный предлог* для чего-то *другого*. А что этим *другим* могло — или, скажем лучше так, должно было бы-быть? Не то-ли, что, так сказать, «в дополнение» к заверениям и заявлениям коммунистической пропаганды и ее органов о том, что с Ильюшином-де «никогда» и «ничего» в космосе не случилось, решено было представить еще и своего рода, так сказать, «вещественное доказательство» тому в виде соответствующей *фотографии*? И хотя совсем уж с полной уверенностью того утверждать как-будто нельзя, многое, фактически, говорят за то, что «пионерский праздник» в «Красной Звезде» был *на деле* устроен совсем *не из-за юных пионеров*, а *именно с целью*,

так сказать, «показа *Ильюшина*»: сперва — и, пожалуй, лишь в силу необходимости — сравнительно узкому кругу, так сказать, «представителей советской общественности» в стенах редакции, а затем — и в этом, видно должна была бы заключаться самая главная цель всего — на фотоснимке соответствующего, так сказать, «содержания» и соответствующей, так сказать, «композиции» на страницах самой газеты.

Но если фактическая цель «празднования» в «Красной Звезде» 39-летия существования организации советских пионеров заключалась — на что, как сказано, многое, собственно, чуть-ли не все, указывает — в том, чтобы, так сказать, «показать *Ильюшина*», то не странно-ли, что для этого «показа» был избран такой, право, никак уж не естественный, а, вне сомнения, искусственный и надуманный способ? Почему бы, скажем, было не осуществить этот «показ» просто, нормально, без каких-либо «хитростей», хотя бы, например, путем устройства встречи «показываемого» с представителями печати? Если *Ильюшин*, как в этом заверяет коммунистическая пропаганда и органы ее, в космическом пространстве никогда не бывал и если тот, кто как *Ильюшин* присутствовал на «пионерском празднике» в «Красной Звезде», действительно *Ильюшин*, то, казалось бы, ни советским правителям, ни кому-либо иному в СССР не следовало бы такой встречи бояться, опасаться, не желать.

Правда, исходя из сказанного в статье «Красной Звезды» о «пионерском празднике» в стенах ее редакции, надлежало бы заключить, что на нем присутствовали и журналисты. Но какие журналисты и сколько их там было? Видно, никак уж не в огромном числе и при том, должно быть, только из числа сотрудников самой «Красной Звезде»! (В статье названы имена только двух из них — военного журналиста «Героя Советского Союза» полковника *Никольского* и военного журналиста полковника *Ершова*, в то время как на фотографии к статье кто-либо из каких-либо журналистов вообще отсутствует). Судя по всему, никто из совет-

ских журналистов, присутствовавших на «празднике», не воспользовался, казалось бы, столь для них благоприятной возможностью внести больше ясности в вопросы, связанные с Ильюшиным. Видно, они к тому не были «уполномочены», а от себя лично тоже «не сочли нужным» что-либо предпринять. Это, однако, сделал бы — или, во всяком случае, попытался бы сделать — уж, вне сомнения, любой иностранный журналист, будь он на «празднике». Но ни один из иностранных журналистов, имеющих в Москве, на «праздник», не был приглашен.

В УСЛОВИЯХ КАК-БЫ «КОНСПИРАТИВНОСТИ»

Не может не обратить на себя внимания, далее, то обстоятельство, что «показ Ильюшина», как он фактически был осуществлен, произошел в условиях как бы своего рода «конспиративности» — как сказано, лишь в сравнительно узком кругу лиц да при том в таком месте, куда, по крайней мере — при «показе», доступ для кого-нибудь из посторонних и неприглашенных вряд-ли уж мог быть сколь-либо свободным.

Несколько странно и удивительно также то, что среди тех, кто при этом «показе» — или, формально, на «пионерском празднике» в редакции «Красной Звезды» — присутствовали, большую часть составляли *дети*, то-есть юные пионеры (при том — иногородные), а единственным *гражданским* лицом был Смыслов — советский шахматный гросмейстер. Все же остальные участники «праздника» являлись *военными* — при том в высших или же довольно высоких офицерских чинах и к тому же, вероятно, членами КПСС. Возможно, что из последних тот или иной когда-то ранее с Ильюшиным встречался или даже знал его лично, но из юных пионеров, а также Смыслов — вряд-ли уж. А если это так, то не кажется-ли, что состав участников «пионерского праздника» в редакции «Красной Звезды» словно кем-то был *подобран* с тем и для того, чтобы «показ Ильюшина» не вызвал бы каких-либо нежелательных разговоров скажем, такого содержания, что «показанный», мог бы быть в действительности, пожалуй, совсем и не Ильюшиным, а кем-то другим, на Ильюшина лишь похожим? Потому что у тех, кто Ильюшина ранее *никогда не видал*, подобных предположений и подозрений *вообще не должно было бы возникнуть*, а если бы они почему-либо, в силу каких-либо причин,

скажем, должны были бы появиться у кого-либо из военных участников «праздника», то последних, видно, просто уж в порядке военной дисциплины (а если — член КПСС, то также и по партийной «линии») можно было бы обязать к молчанию.

Но если в сказанном выше, пожалуй, и могла бы как раз заключаться какая-то, так сказать, «разгадка» тому, что «показ Ильюшина» оказался осуществлен именно как бы в «частном» помещении, то-есть в стенах редакции «Красной Звезды», и лишь в сравнительно узком кругу — да словно для того специально «подобранных» — лиц, то разве и сам по себе этот факт — факт того, что «показ Ильюшина» вроде как бы потребовалось «застраховать» против чего-то — не представляется тоже довольно странным, удивительным?

Страх и опасения, словно проявившиеся в этом и точно обусловленные тем, чтобы с «показом Ильюшина» не случилось бы, не дай Бог, чего-нибудь, «по плану» непредусмотренного, можно было бы еще понять, если бы «показываемый», будучи Ильюшиным, скажем, мог бы поведать — или хотя бы лишь проговориться — о чем-то, что противоречило бы советским утверждениям, касающимся Ильюшина, или если бы он, «показываемый», был бы, скажем, на деле не Ильюшиным, а лишь какой-то его более или менее удачной, так сказать, «копией». В этом случае, конечно, «нужно» было бы уж «заботиться» о том, чтобы «показываемого» увидели бы немногие люди, чтобы среди них, по возможности, не было бы кого-нибудь из знавших Ильюшина ранее, чтобы между «показываемым» и ими не возникло бы «лишних» и «ненужных» разговоров, а главное, чтобы ни один из иностранных «буржуазных» корреспондентов не оказался бы на «показе» и не попытался бы «показываемого», скажем, проинтервьюировать. Но, согласно, по крайней мере, тому, что об Ильюшине до сих пор можно было читать в советских газетах, Ильюшин в космосе «никогда не бывал», а материалы, помещенные в «Красной Звезде» от 21 мая 1961 года, как-будто «с неопровержимостью» говорят о том, что на «празднике» в «Красной Звезде» присутствовал имен-

но он сам. Так к чему же, зачем и почему, в таком случае, все те как бы «меры предосторожности», которыми словно сопровождался и был окружен «показ Ильюшина» в самом начале 20-х чисел мая 1961 года — после многих недель, прошедших с момента исчезновения его из поля зрения «советской общественности»?

СЛАВА — ВВЕРХ!

Как уже сказано, Ильюшин, согласно данным ТАСС, должен был бы быть болен на рубеже 1960 и 1961 годов. Но это, однако, не помешало «Комсомольской Правде» в номере от 3 января 1961 года посвятить ему специально пространную статью, озаглавленную «Штурман пятого океана». В статье, подписанной «Героем Советского Союза» В. Гофманом, не было даже и намека, хотя бы совсем слабого, что в то время, когда статья писалась, Ильюшин был бы хоть немного болен. Также и большая фотография Ильюшина, помещенная тогда же «Комсомольской Правдой», показывала его *весьма хорошо выглядывшим и несомненно здоровым*. Как лицом, так и всем видом на этой фотографии Ильюшин — *здоровяк*, а не человек, которому место — в постели.

Это был никак не первый случай, что в советской печати помещалась фотография Ильюшина и отводилось место для статьи о нем. Та же самая «Комсомольская Правда», например, поступила так же еще 26 июля 1959 года, когда в ней была напечатана тоже специальная статья об Ильюшине, называвшаяся «Четвертое измерение» и снабженная подзаголовком «Наш современник». Автором статьи был некто Ю. Зерчанинов, а как бы иллюстративным материалом к ней служила фотография, показывавшая Ильюшина вместе с известным советским летчиком В. Коккинаки.

Касаюсь утверждения ТАСС, что Ильюшин пострадал в автомобильную катастрофу, можно указать, например, на следующие слова из этой статьи, дающие характеристику Ильюшину как автомобилисту: «Ехали не торопясь. Ильюшин не любит гнать машину — он любит скорость в небе». Но, правда, в другом месте статьи говорится, что после того, как

Ильюшин 14 июля 1959 года установил — согласно сказанному в статье и как это утверждалось тогда и после советской печатью — новый рекорд высоты на самолете, он, возвращаясь домой, «гнал Волгу (название типа советских легковых автомобилей, — С. В.) на предельной скорости».

Об Ильюшине немало было сказано, равным образом, в статьях «Наши летчики штурмуют стратосферу», «Победители высоты», «На больших высотах», «Стратосфера покоряется отважным», «Полеты в стратосферу», которые в начале второй половины июля 1959 года были опубликованы в «Правде», «Известиях», «Красной Звезде», «Советской Авиации», «Советской России». В то да иное время о нем можно было прочесть кое-что также и в ряде других советских газет. А что касается его фотографий, то их в советских изданиях было помещено тоже в немалом числе. Имя Ильюшина, далее, особо упоминалось в некоторых статьях на темы подготовки будущих космонавтов в СССР, которые во второй половине 1959 года были напечатаны в тех да иных советских изданиях, в частности — в «Огоньке» № 42 и в «Комсомольской Правде» от 21 октября 1959 года. Однако, нужно сказать, нигде в этих материалах не говорилось что-либо прямо о том, что Ильюшин тоже проходит тренировку как будущий космонавт. О нем писалось лишь как о летчике, которому тогда в СССР принадлежал рекорд высоты, хотя, конечно, уже сам по себе тот факт, что из всех советских летчиков только ему отводились какие-то слова в материалах на тему подготовки советских космонавтов, пожалуй, должен бы показаться, так сказать, «подозрительным».

СЛАВА — ВНИЗ!

Но так обстояло дело с известностью Ильюшина в СССР до того, как появились первые сообщения, гласившие, что Ильюшин совершил неудачный полет в космосе.

А с тех пор в советской печати были помещены — если не говорить об «ответах» на «утку» о нем да об информации относительно «пионерского праздника» в «Красной Звезде» — собственно, лишь два «материала», имевшие прямое или же только косвенное отношение к Ильюшину. И каждый из этих «материалов» фактически был, так сказать, «антиильюшинским».

Один из них представлял собою официальное сообщение, опубликованное советской печатью и гласившее, что 28 апреля 1961 года летчик-испытатель Г. Мосолов установил на самолете типа «Е-66» новый рекорд высоты. Это сообщение имеет отношение к Ильюшину потому, что оно означает, что его имя как рекордсмена-высотника вычеркивается из списка советских летчиков-рекордсменов и заменяется другим. А раз так то это сообщение, разумеется, могло быть лишь во вред, но никак не на пользу известности Ильюшина в СССР.

А второй из «материалов», о которых здесь речь, это — подвальная статья в «Красной Звезде» от 29 июня 1961 года под названием «Высота» и подписанная так: «Подполковник В. Ильюшин, инженер-летчик-испытатель 1-го класса, Герой Советского Союза». Иными словами, это статья, которая должна бы принадлежать перу самого Ильюшина. А раз так, то ее, видно, следовало бы рассматривать как своего рода «косвенное доказательство» тому, что с Ильюшиным, мол, все в «полнейшем порядке», что он даже может писать статьи.

Несомненно, что в желании это «доказать» и «убедительно продемонстрировать», «опровергая», тем самым, все утверждения, что с Ильюшиным в апреле 1961 года случи-

лось нечто весьма серьезное и неприятное в космосе, должна была бы заключаться одна из причин самого появления этой статьи — статьи за подписью Ильюшина — в «Красной Звезде».

Но доказывает-ли и опровергает-ли она что-либо из того в действительности? Думается, что в советских условиях факт появления где-либо статьи за чьей-то подписью, собственно, еще не всегда и не обязательно должен бы означать, что тот, чья подпись под статьей стоит, статью действительно написал или, даже больше того, что он вообще в состоянии был это сделать.

Так что, если правители СССР и их органы пропаганды должны были бы придерживаться, скажем, того мнения, что фактом опубликования статьи за подписью Ильюшина можно-де развеять «последние» подозрения, имеющиеся у людей, что с Ильюшиным что-то, да при том весьма серьезное, случилось в космосе, то это, конечно, заблуждение того от людей ожидать.

Пожалуй, лишь только самые наивные из них придут на основании факта появления в советской печати статьи за подписью Ильюшина к желательному для коммунистических правителей СССР и их органов пропаганды «выводу» относительно Ильюшина, то-есть решат, что кроме автомобильной катастрофы с ним-де ничего иного не было и не могло быть, что он в космос не летал. Но для большинства такого рода «доказательство» вне сомнения, никак еще не доказательство, во всяком случае, не должно было бы их в том уверить и убедить, в чем коммунистическому режиму СССР их убедить и уверить, бесспорно, хотелось бы.

В статье за подписью Ильюшина, опубликованной в «Красной Звезде», нет ни слова по поводу «измышлений», «возникших» об Ильюшине на Западе, а также, надо бы полагать, и в СССР.

Конечно, этот факт можно было бы понимать и так, что эти «измышления» — такая, мол, «чушь» и «ерунда», что о том что-то писать — просто «жалко» и времени и бумаги.

Но — не *лучше-ли*, не *правильнее-ли* и не *естественнее-ли* все же было, если бы эти «измышления» не были бы обойдены уж таким абсолютным гордым молчанием как раз в статье, которая, судя по подписи под ней, должна бы принадлежать перу человека, кого эти «измышления» прежде всего касаются — тем более, в *первой* его статье со времени появления оных «измышлений»?

Думается, что *естественнее, нормальнее* и просто *логичнее* было бы о них хоть *что-нибудь* сказать, чем ничего не сказать. Тем более, что умолчание о них уж не обязательно должно бы быть воспринято как-де «свидетельство» тому, что им, этим «измышлениям» об Ильюшине, — грош цена. Кое-кто, собственно, мог бы усмотреть во всем этом и нечто другое. Он, например, мог бы предположить, что за решением *умолчать* в данном случае могло бы скрываться желание и стремление *замолчать*.

А если власти СССР, позволив советским подданным узнать до сих пор лишь совсем ничтожную малость относительно «утки» об Ильюшине, кажутся озабоченными, чтобы на тему о том в СССР попрежнему говорилось бы и писалось бы как можно меньше, лучше даже — вообще ничего, то не скрывается-ли за этой озабоченностью, кажущейся-ли или же действительной, тот факт, что на деле-то «измышлениям» об Ильюшине — не просто уж грош цена?

Такие — и им подобные — вопросы, как можно думать, вполне могли бы возникнуть у критически мыслящего человека при ознакомлении со статьей за подписью Ильюшина в «Красной Звезде». А, исходя из этого, следовало бы предположить, что для всех и вся в СССР было бы, видно, лучше, если бы в этой статье, подписанной именем Ильюшина, вопрос об «измышлениях», касающихся Ильюшина же, не был бы обойден уж совсем полным молчанием.

«Ильюшинская» статья в «Красной Звезде» отличается еще одной особенностью. Хотя она и подписана именем Ильюшина, но по содержанию своему она, как уже сказано, так сказать, — «антиильюшинская».

Так, например, в ней как бы проводится мысль, что рекорд высоты, который Ильюшин, согласно советским данным, в свое время установил, собственно, не представлял собою чего-то особенного. Он, согласно сказанному в статье, был, собственно, лишь одним из рекордов в ряду тех, которые в то или иное время были установлены советскими летчиками.

То, что по поводу этого сказано в статье, не звучит, правда, как какое-то самобичевание, подобное, скажем, тому, которому себя подвергают в СССР порою те да иные советские сановники перед тем, как их из числа сановников выбрасывают. Но вместе с тем оно не звучит и как, скажем, лишь скромное преумаливание тем, чьим именем подписана статья, заслуг, принадлежавших — и принадлежащих — ему. Это собственно, больше, чем лишь скромное преумаливание их. В том, что в статье сказано, словно, проглядывает желание и намерение представить их *меньшими* — по крайней мере, меньшими в сравнении с той оценкой, какая им в СССР — в частности же, советской печатью, посвящавшей Ильюшину специальные статьи — ранее давалась.

Вместе с тем в «ильюшинской» статье в «Красной Звезде» — на лицо явное сверхмерное восхваление того, кто в СССР теперь официально — и формально — вычеркнул имя Ильюшина из числа летчиков-рекордсменов. Там, где в статье говорится об этом официально новом советском рекордсмене высоты, то-есть Мосолове, тон того, что говорится, собственно, таков, как если бы ему должно было бы принадлежать в СССР место более высокое, чем кому-либо другому из летчиков. Равным образом и тому, что он, согласно советским данным, достиг — место — по тону говоримого в статье — тоже должно было бы быть уж не совсем среди всех других достижений всех иных советских летчиков, а как бы — несколько особое.

ЕЩЕ НАСЧЕТ НОГИ ПОД СТОЛОМ

Никто иной, как именно официально новый советский рекордсмен-высотник был тем лицом, от кого «Красная Звезда», согласно сказанному в ней, получила фотографию, изображавшую Ильюшина с ногой в гипсовой повязке на Красной площади в Москве, стоящим вместе с пятью другими советскими летчиками-испытателями из числа тех, которым 31 декабря 1960 года были вручены в Кремле правительственные награды. Согласно «Красной Звезде», Мосолов предоставил ей в распоряжение эту фотографию 5 мая 1961 года. И именно он, Мосолов был также тем, кто из летчиков, изображенных на фотографии, сделал для «Красной Звезды» заявление, касавшееся Ильюшина и воспроизведенное в ней 6 мая 1961 года в таком виде:

«— Я возмущен, — сказал Г. К. Мосолов, — гнусными измышлениями «Дэйли Телеграф». Grosh им цена! Пусть посмотрят на этот снимок, где ясно видно, что Владимир Сергеевич опирается на трость, что нога его в гипсовой повязке. Мужественный человек, он поднялся в тот день с постели, чтобы быть вместе с товарищами в радостный час получения наград. . .

Пусть посмотрит на этот снимок и Дэвид Флойд. Пусть коснется на его трость, от которой влетело Бобровскому, а сегодня влетает и ему».

Приведенные выше слова — сказанные-ли Мосоловым действительно самим или же лишь, так сказать, вложенные ему в рот, а то, может быть, просто приписываемые ему «Красной Звездой» — выдержаны, как можно видеть, в «традиционном» для коммунистической пропаганды духе и «стиле»: в них есть и брань — и при том никак не в скромной дозе — по адресу тех, кто посмел усомниться в чем-то, утверждаемом коммунистической пропагандой, и в них не отсутствует также и один из излюбленных коммунистиче-

ских «аргументов доказательства» — палка или же угроза палкой.

Вместе с тем в приведенных выше словах как бы косвенным образом дается также «разгадка» тому, почему, вопреки утверждению ТАСС, что Ильюшин до конца января 1961 года был «прикован к постели», он, этот «прикованный к постели» Ильюшин, еще за месяц до того, как пришел конец января, побывал в Кремле, где, судя по всему, он время провел никак уж не в постели.

Из сказанного в «Красной Звезде» следует понимать, что это было лишь исключение. Вообще-то, если верить сказанному в «Красной Звезде», Ильюшин тогда должен был придерживаться постельного режима, но, желая быть с товарищами «в радостный час получения наград», он в тот предновогодний день, будучи «мужественным человеком», поднялся с постели и отправился в Кремль.

Но, спрашивается, если состояние его здоровья было действительно таким, что он все время должен был находиться в постели, то как же врачи, которые, согласно советским данным, еще в середине апреля 1961 года, то-есть еще спустя четыре с половиной месяца после пребывания Ильюшина в Кремле, отправили его для лечения в Китай, тогда допустили, чтобы он, рискуя, может быть, значительным ухудшением своего здоровья, смог оставить постель и какое-то — видно, не совсем уж малое время — провел на ногах?

И не лучше-ли и не разумнее-ли для самого Ильюшина было бы при серьезном состоянии его здоровья, если он из Кремля отправился бы — скажем, в автомобиле — прямо домой, чем идти еще на Красную площадь и стоять там, позируя для коллективного фотоснимка? Что и говорить, это такие факты, которые говорят скорее за то, что Ильюшин тогда без какого-либо вреда для своего здоровья мог проводить время *не в постели*, передвигаться, ходить, чем за то, что он по состоянию того же своего здоровья должен был бы быть «прикован к постели»!

А с другой стороны, если состояние здоровья его было тогда действительно таким, что ему надо было бы все время находиться в постели, то почему советские руководители, в частности — Брежнев, не сочли нужным посчитаться с этим фактом? Разве не в духе коммунистической «гуманности» и «чуткого отношения» к «советскому живому человеку» было бы, если, скажем, тот же Брежнев отправился бы сам к постели больного советского летчика-героя (героя — потому, что наградой для Ильюшина было как раз звание «Героя Советского Союза») и с цветами или без цветов, с кино-операторами или без оных вручил бы ему полагающуюся награду, чем затребовать человека, которому по состоянию здоровья надлежало бы непрерывно находиться в постели, за получением награды в Кремль?

А теперь, поскольку речь снова зашла о фотографиях с Ильюшиным, — небольшое замечание также в отношении того фотоснимка, который 1 января 1961 года был помещен в «Красной Звезде» и изображал летчиков-испытателей, награжденных правительственными наградами, в том числе и Ильюшина, на приеме у Брежнева в Кремле.

На этой фотографии, как уже говорилось, Ильюшин виден лишь по пояс, сидящим за столом, под которым скрыты его ноги, и о том, имелась-ли на его ноге гипсовая повязка в момент фотографирования, по тому, что на снимке видно, судить, разумеется, затруднительно.

Но нужно-ли было уж действительно находиться под столом в момент фотографирования, как это утверждала «Красная Звезда» в номере ее от 6 мая 1961 года, для того, чтобы узнать, была-ли нога Ильюшина тогда в гипсовой повязке?

О том, что нога тогда должна или могла быть в гипсовой повязке, снимок действительно не содержит каких-либо указаний. Но тот факт, что Ильюшин на снимке сидит за столом так тесно, фактически почти прижавшись к Брежневу, да при том как раз слева от Брежнева, так что его — ильюшинская — больная правая нога при том должна была

бы, собственно, касаться левой ноги Брежнева, думается, скорее говорит уж за то, что правая нога Ильюшина тогда либо совсем не была больной или же, во всяком случае, дело с ней обстояло не столь уж серьезно, чтобы ему, Ильюшину, нужно было бы из-за нее все время находиться в постели — и при том еще также в течение целого месяца после посещения Кремля.

А с другой стороны, если правая нога Ильюшина тогда действительно была больной и находилась в гипсовой повязке, то почему, в таком случае, было бы не посадить его за стол так, чтобы ни ему, ни его соседям не могло бы быть какой-либо помехи, а то просто неприятности, из-за его больной ноги?

Для этого, например, хорошо подошло бы место, занимаемое на снимке Мосоловым. Мосолов сидит на снимке с правой стороны от Брежнева, а справа от него самого нет никого. Сиди Ильюшин на этом месте, то тогда он мог бы уж прижиматься к Брежневу хоть еще теснее, чем на снимке. Тогда его больная правая нога не имела бы каких-либо соседок-ног, кроме его собственной левой. Тогда ни ему, ни кому-либо другому не было и не могло бы быть какой-либо помехи из-за этой больной правой ноги и равным образом отсутствовала бы и опасность, скажем, того, что чужая соседняя нога под столом — пусть хотя бы даже и нога председателя Президиума Верховного совета СССР — при том или ином неосторожном движении могла бы коснуться поврежденной ноги летчика и тем, пожалуй, причинить ей боль.

МНОГО «РЕКЛАМЫ» И СТРЕМЛЕНИЕ ВВЫСЬ

Как уже сказано, правительственной наградой, которую Ильюшин 31 декабря 1961 года получил в Кремле, было присвоение ему звания «Героя Советского Союза». Одновременно с ним медаль «Золотую Звезду» с «приложением» в виде ордена Ленина получили еще два летчика-испытателя: упоминавшийся уже Г. Мосолов и В. Ковалев. Последнему в то время принадлежал ряд советских рекордов по скоростным полетам пассажирских самолетов с грузом различного веса.

Но хотя все трое были держателями тех или иных советских авиационных рекордов и в одно время стали «Героями Советского Союза», в советской печати — а именно в «Комсомольской Правде» от 3 января 1961 года — появилась специальная статья, посвященная только одному из них — Ильюшину. О двух же остальных, насколько известно, в советской печати не было помещено материалов, в которых так же подробно и обстоятельно, как об Ильюшине в «Комсомольской Правде», рассказывалось бы что-либо о том или другом из них.

Возможно, что уделение советской печатью как бы предпочтительного внимания к Ильюшину как в данном случае, когда он стал «Героем Советского Союза», так и ранее в известной степени объяснялось тем фактом, что его отец — весьма известный в СССР человек: один из ведущих советских авиаконструкторов, многократный орденосец и медаленосец, который еще до введения Ленинских премий семь раз был лауреатом Сталинской премии — и т. д.

Но не было-ли — во всяком случае, не могло-бы быть — еще какой-то иной причины — помимо родства с Ильюшиным-авиаконструктором и собственных авиационных достижений Ильюшина-летчика — тому, что он, Ильюшин-летчик, до недавнего времени находился у советской печати

как бы на каком-то особом положении? Не объяснялась-ли эта как бы своего рода особая «реклама», которая словно намеренно и с пристрастием создавалась для Ильюшина-летчика и вокруг него советской печатью, чем-то сверхобычным, особенным? Короче говоря, не могли находиться в основе основ всего, скажем, тот и такой факт, что ему, Ильюшину, предназначалось *по плану* стать «первым в космосе советским человеком»; то-есть первым советским подданным, который не только что был бы запущен в космическое пространство, что, возможно, в СССР уже несколько раз случилось с другими — и именно с трагическим результатом для них, но и возвратился бы затем из космического пространства, совершив в нем какой-то полет, живым и невредимым обратно на Землю?

Конечно, чисто теоретически такая возможность допустима и, надо сказать, что имеются кое-какие факты, которые словно бы являются каким-то «косвенным свидетельством», какими-то «косвенными намеками» на то, что для Ильюшина все это могло бы быть не только чисто теоретической возможностью.

Так, помимо как бы «рекламы», словно искусственно создававшейся в СССР вокруг Ильюшина, не может не обратить на себя внимания еще и тот, отмеченный уже ранее, факт, что в ряде материалов, появившихся в советских изданиях к концу 1959 года и имевших темой вопросы подготовки советских будущих космонавтов, особо упоминалось имя Ильюшина. Почему? В силу каких причин? И почему именно и только о нем была какая-то особая речь в этих материалах? Только лишь потому, что ему тогда, как летчику, принадлежал в СССР рекорд высоты, или же и в силу чего-то еще другого, о чем в материалах на тему подготовки советских будущих космонавтов, однако, прямо ничего не было сказано? Естественным, понятным и объяснимым все это можно было бы считать, разумеется, только лишь в том случае, если бы и он, Ильюшин, должен был бы входить в число тех лиц, кого в СССР тогда готовили к полетам в космосе — и при том, видно, как *первых* космонавтов.

Далее, следовало бы, видно, учесть также факт несомненно имевшегося у Ильюшина — и при том безусловно сильно выраженного — так сказать, «стремления ввысь». Когда, например, он, согласно советским данным, установил рекорд высоты, то, возвратясь на землю, сказал, как о том в свое время — в номере от 26 июля 1959 года — можно было читать в «Комсомольской Правде» в статье, специально посвященной Ильюшину и озаглавленной «Штурман пятого океана» (между прочим, не выглядит-ли это название как своего рода скрытый, многозначительный намек на что-то особенное?), что «если поработаем все вместе, я заберусь на этой машине еще выше». Иными словами, у него имелось и желание и стремление «забраться еще выше».

И если тогда, в июле 1959 года, он, говоря это, подразумевал под «машиной» самолет типа «Т-431», с которым он только что побывал в воздухе, то почему бы не могло и не должно было случиться того, что уже какое-то время позднее, когда советские планы, касающиеся запуска человека в космос, должны были бы получить более определенный, чем до того, вид и когда работы по созданию нужных для осуществления космического полета человека ракеты-носителя и самого космического корабля-спутника, равным образом, должны были бы продвинуться на какой-то шаг вперед, он, Ильюшин, не смог и не должен был бы воспылать желанием и стремлением «забраться еще выше» — и при том первым — уже не на самолете, а на «машине», самолету не подобной, но зато уносящей человека от поверхности Земли не на два с лишним десятка километров, а на несколько сотен, да при том со скоростью, в сравнении с которой скорость даже самого быстролетного самолета — все равно, что скорость черепахи!

Таковы некоторые соображения, так сказать, «косвенного» характера, которые, видно, не должны бы быть оставлены уж совсем без внимания при рассмотрении различных «за» и «против», касающихся возможности того, что Ильюшину в СССР могло бы быть предназначено стать «первым советским человеком в космосе».

ТРИ ДНЯ ВОЛНЕНИЙ И ВОЗБУЖДЕНИЯ В МОСКВЕ

Тот, кто живет в Москве или находился в ней в дни незадолго до 12 апреля 1961 года, знает, что Москва тогда была полна слухов, говоривших, в большей своей части, о том, что космический полет «советского» человека уже состоялся. Об этих слухах писали из Москвы также корреспонденты иностранных газет. Например, в таких известных газетах, как «Нью-Йорк Таймс», «Нью-Йорк Гералд Трибюн», лондонская «Таймс», указывалось, что такие слухи курсировали в Москве уже с понедельника 10 апреля.

Также и газета английских коммунистов «Дэйли Уоркер», как уже указывалось, писала в корреспонденции из Москвы, от 11. 4. 1961 г., что Москва «в течение последних 24 часов», то-есть, следовательно, с понедельника 10 апреля, «с затаенным дыханием ожидала официального сообщения» о том, что СССР, «выиграл соревнование в космическом пространстве», о космическом полете человека много разговоров было «в журналистских и ученых кругах» в Москве, что «вечерние газеты жадно расхватывались и внимательно просматривались» в надежде, что в них будет какое-нибудь сообщение о том, и что «москвичи весь день держали ухо в сторону их радиоприемников».

Внимание иностранных корреспондентов привлек, далее, нижеследующий факт, так изложенный в номере от 11 апреля 1961 года газетой «Нью-Йорк Гералд Трибюн»:

В послеобеденные часы (речь идет о понедельнике 10 апреля 1961 года, — С. В.) у Главного телеграфа появилась группа операторов советского телевидения и разместила несколько юпитеров в тех местах, где можно было ожидать появления корреспондентов (подразумеваются иностранные корреспонденты, — С. В.).

«Где корреспонденты?» спросил один оператор. Одна из девиц, работающих на Телеграфе, пояснила, что с тех пор, как 23 марта была отменена цензура (подразумевается цензура для материалов иностранных корреспондентов, отсылаемых за границу, — С. В.), корреспондентов на Телеграфе не встретить в большом числе за один раз.

«Вы здесь для того, чтобы заснять (нашу) реакцию в связи с человеком в космосе?» спросил один корреспондент, который как раз зашел на Телеграф.

Один из полдюжины работников телевидения сжал губы.

«Подождите до трех часов», сказал он.

Третий час дня пришел — и ничего не случилось.

Тогда один из работников телевидения пошел к телефону, возбужденно с кем-то поговорил и сказал:

«Подождите до четырех часов».

Об этом факте появления днем 10 апреля 1961 года у здания Главного телеграфа в Москве группы работников советского телевидения с различного рода аппаратурой для съемки и пребывания их там до 4 часов дня, после чего они вместе с их аппаратурой так же внезапно убрались, как и появились, писала, среди ряда других западных газет, также лондонская газета «Таймс». И «Таймс» — в номере от 11 апреля 1961 года — отмечала при том, что в тех случаях прежде, когда в СССР осуществлялись сверх-обычные запуски в космическое пространство, как раз в здании Главного телеграфа в Москве представители советского радиовещания и телевидения брали интервью от иностранных корреспондентов и запрашивали их об их мнении.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В ДНИ 10 И 11 АПРЕЛЯ В МОСКВЕ

Английский текст:

„MOSCOW, April 10... In the afternoon, a soviet television crew showed up at the Central Telegraph Office and planted clusters of

television lights in places where correspondents would be expected to rush in.

„Where are the correspondents?“ asked one cameraman.

One of the telegraph girls explained that since censorship ended March 23, correspondents did not congregate at the telegraph office.

„You here to shoot a picture about the spaceman reaction?“ asked a correspondent who happened to drop in.

One of the half dozen technicians pursed his lips.

„Wait until 3 o'clock,“ he said.

Three o'clock came — and nothing happened.

Then one of the technicians went to a telephone, talked excitedly with somebody, and said: „Wait until 4 o'clock“ ...

(„New York Herald Tribune“, April 11, 1961)

Перевод:

Дан в тексте главы.

Английский текст:

„In the case of previous spectacular Soviet space shots, Western correspondents have been approached in the building by radio and television for interviews“ ...

(„The Times“, April 11, 1961)

Перевод:

«В случаях предыдущих особенных советских запусков в космос представители (советского) радио и телевидения спрашивали в здании (Главного телеграфа) западных корреспондентов об их мнении ...»

(«Таймс», 11 апреля 1961 г.)

Английский текст:

„LONDON, April 11... Rumors that a man had been launched into space have been circulating in Moscow for two days...“

(„New York Times“, April 12, 1961)

Перевод:

«ЛОНДОН, 11 апреля... Слухи о том, что человек был запущен в космическое пространство, циркулирует в Москве в течение двух дней ...»

(Нью-Йорк Таймс, 12 апреля 1961 г.)

«ПРАВДА» ПОСТУПАЕТ «ПО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИ».

Надо сказать, что советская печать не обошла уж совсем полным молчанием факт высказывания газетами на Западе предположений и даже утверждений, что космический полет человека предпринят был в СССР уже в пятницу 7 апреля 1961 года. Информацию о том можно было найти, например, в «Правде». Но, сообщая о том, «Правда», во-первых, ни словом не обмолвилась (что для нее было, разумеется, лишь «естественным» и «логичным»), что первым из органов печати на Западе, писавшем о пятнице 7 апреля как дате одного полета, был не какой-то «буржуазный», а таковой английских коммунистов — газета «Дэйли Уоркер». А во-вторых, она, «Правда», продемонстрировав, можно сказать, «высший класс акробатного искусства» в качестве, так сказать, «толковательницы» английского языка, как будто бы уж на основании данных, содержащихся якобы в материалах столь солидного американского телеграфного агентства, как «Ассошиэйтед Пресс», «сумела» сделать «ясным» для всех и вся в СССР, что дата 7 апреля 1961 года как дата осуществления в СССР какого-то запуска человека в космос — просто, мол, «невозможна», «нелепа».

А с тем, чтобы это, так сказать, «доказать», «Правда» поступила, казалось бы, очень «по-демократически» и для коммунистического органа печати, будто бы, не обычно. 13 апреля 1961 года, когда, страницы ее были заполнены и переполнены материалами о «космическом подвиге» Гагарина, она на скромном месте, в нижнем правом углу пятой страницы, поместила якобы корреспонденцию ТАСС из Нью-Йорка, озаглавленную «Фомы неверующие из Ассошиэйтед Пресс», в которой без каких-либо комментариев приводился словно подлинный текст одного из сообщений московского корреспондента «Ассошиэйтед Пресс» от 12 апреля 1961 го-

да. Эта «корреспонденция из Нью-Йорка» имела в «Правде» следующий вид:

«НЬЮ-ЙОРК, 12 апреля. (ТАСС). Корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс передает из Москвы: Сообщение Советского Союза о первом космическом полете человека окутано обычной коммунистической таинственностью. Многие наблюдатели здесь даже сомневаются, что это событие действительно имело место в среду. Они — а таких много в западной колонии в Москве — считают, что все было слишком хорошо прорепетировано, чтобы это могло быть действительно стихийно и, по всей вероятности, полет состоялся 7 апреля.

Именно в этот день хорошо осведомленные лица намекнули западным корреспондентам, чтобы они в 7 часов утра по Гринвичу в среду слушали радио.

Эти телефонные звонки раздавались у многих корреспондентов примерно в 6 часов 30 минут по Гринвичу, как раз 23 минуты после того, как майор Гагарин, согласно последовавшему в дальнейшем сообщению ТАСС, взлетел в космос.

Сообщение по радио, переданное ровно в 7 часов по Гринвичу, гласило, что молодой коммунист все еще на орбите».

Остановимся на вопросе даты 7 апреля. Что о ней сказано в приведенном выше тексте? С одной стороны, то, что «по всей вероятности» запуск человека в космическое пространство был осуществлен в СССР в этот день, то-есть 7 апреля, а с другой стороны, то, что «именно в этот день», то-есть «именно», опять-таки, 7 апреля, иностранным корреспондентам в Москве был-де сделан намек, чтобы они «в 7 часов утра по Гринвичу в среду», то-есть в среду 12 апреля, слушали бы радио. Иными словами, получается словно так, как если бы приведенный текст сам же содержал «опровержение» тому, что запуск в СССР человека в космос имел место в пятницу 7 апреля 1961 года. Так как если 7 апреля иностранным корреспондентам мол, делался намек, чтобы

они лишь 12 апреля слушали бы радиосообщение, а 12 апреля советское радио, как известно, объявило о «космическом подвиге» Гагарина, то разве не «логично», что 7 апреля в СССР «не могло» быть места какому бы то ни было запуску человека в космос?

А поскольку все это «логически вытекало» из корреспонденции в «Правде», имевшей кажущееся такой вид, как если бы в ней давался просто лишь «дословный перевод» текста одного из сообщений американского телеграфного агентства «Ассошиэйтед Пресс», то тем самым «Правда» как бы говорила ее читателям: вот, видите, даже иностранные корреспонденты «дают» вам «доказательство» тому, что в СССР 7 апреля «не было» и «не могло» быть какого-либо полета человека в космосе.

Внимательный читатель «Правды» должен был бы, однако, обнаружить в тексте помещенной в ней 13 апреля 1961 года «корреспонденции из Нью-Йорка» не только это, ей, вне сомнения, желаемое, то-есть, так сказать, «косвенное свидетельство» тому, что в СССР 7 апреля 1961 года, мол, «не могло» быть какого-либо запуска человека в космос, но, увы, и нечто еще, для нее вряд-ли уж желаемое.

Это касается телефонных звонков, которые «раздавались у многих корреспондентов» вскоре после того, как Гагарин, по советским данным, «взлетел в космос». Очевидно, что они могли «раздаваться» только 12 апреля 1961 года, *ни одним днем раньше*. Но почему же, в таком случае, о них говорится «эти (подчеркнуто нами, — С. В.) телефонные звонки», хотя во всем, что до того сказано в тексте «корреспонденции из Нью-Йорка», как он дан в «Правде», нет *ни слова* о каких-либо телефонных звонках. А если уж «эти», то, логически рассуждая, это — какие-то такие, о которых что-то и где-то должно было бы уж сказано *прежде*. Чем же объяснить это своего рода «единство противоречий»? Может быть, слова «эти телефонные звонки» все же связаны с чем-то из сказанного в «Правде» в тексте «корреспонденции из Нью-Йорка» *ранее*, в частности — с тем, что «этим телефонным звонкам» предшествует в тексте «корреспонденции» как

раз непосредственно, то-есть с теми «намеками», которые делались иностранным корреспондентам в Москве относительно того, чтобы они «в 7 часов утра по Гринвичу в среду» 12 апреля 1961 года слушали радио? Тогда, разумеется, «этим телефонным звонкам», именно как «этим», имелось бы уж вполне логичное объяснение: «намеки» делались по телефону, эти телефонные звонки раздавались примерно за полчаса до старта космического корабля-спутника «Восток» — все ясно, все самым лучшим и логическим образом связано и увязано одно с другим! Но . . .

Но, согласно тому, что можно читать в «Правде» в ее «корреспонденции из Нью-Йорка», телефонные звонки раздавались утром 12 апреля 1961 года, а «намеки» делались, мол, совсем в другое время — за пять дней до того, а именно 7 апреля 1961 года! Так что, на-лицо, как будто, новое «единство противоречий»: телефонные звонки и «намеки» связывать друг с другом как будто бы нельзя. Но так-ли это в действительности?

А ЛАРЧИК ПРОСТО ОТКРЫВАЛСЯ ! . .

Всем «противоречиям», которые читающий «Правду» от 13 апреля 1961 года может обнаружить в ее «корреспонденции из Нью-Йорка» — выглядевшей так, как если бы в ней просто «беспристрастный перевод» одного из сообщений американского телеграфного агентства «Ассошиэйтед Пресс» — оказывается весьма простое объяснение, они исчезают без следа и остатка, если познакомиться с истинным текстом указанного сообщения «Ассошиэйтед Пресс». А оно после того, как говорится, что космический полет человека в СССР, по всей вероятности, состоялся в пятницу 7 апреля 1961 года, гласит в переводе с английского на русский язык в действительности так:

«Это (речь идет о 7 апреля 1961 года, — С. В.) — дата, которой позволили соскользнуть с языка (или иначе: «о которой намекнули», «о которой проговорились», — С. В.) хорошо осведомленные лица при их телефонных звонках иностранным корреспондентам, делавшихся для обеспечения того, чтобы они слушали радио этим утром (речь идет об утре дня отправки из Москвы корреспонденции агентства «Ассошиэйтед Пресс», то-есть об утре 12 апреля 1961 года, — С. В.).

Эти телефонные звонки раздавались у иностранных корреспондентов менее чем через полчаса после того, как, согласно последовавшему позднее сообщению ТАСС, майор Юрий Гагарин был послан на орбиту».

Приведенный выше текст взят — в переводе на русский язык — из того же самого сообщения американского телеграфного агентства «Ассошиэйтед Пресс», о котором, словно воспроизводя его в дословном переводе с английского на русский язык, говорилось в «корреспонденции ТАСС из Нью-Йорка», напечатанной под заголовком «Фомы неверующие из

Ассошиэйтед Пресс» в «Правде» от 13 апреля 1961 года. Оно, сообщение «Ассошиэйтед Пресс», было воспроизведено, в частности, в американской газете «Нью-Йорк Гералд Трибюн» — в номере от 13 апреля 1961 года, — и оттуда именно заимствуется приводимый выше отрывок. Кстати сказать, то, что можно было читать в «Правде» от 13 апреля 1961 года, представляло собой лишь часть данного сообщения: в целом своем виде оно было много длинее.

В чем разница — и имеется-ли она вообще — между тем, что по поводу даты 7 апреля 1961 года было сказано в тексте «корреспонденции из Нью-Йорка», напечатанной в «Правде» от 13 апреля 1961 года и содержащей словно бы «беспристрастный перевод» сообщения агентства «Ассошиэйтед Пресс», и тем, что в том же месте того же самого сообщения можно было прочесть в газете «Нью-Йорк Гелад Трибюн», где оно, это сообщение, было воспроизведено в его *подлинном виде*, во всяком случае без искажений (если, хотя может быть, и с некоторыми незначительными и несущественными сокращениями)? Разница, во-первых, есть и эта разница, во-вторых, весьма большая, *весьма-весьма существенная!* Ибо,

согласно сказанному в «Правде», 7 апреля 1961 года — это, мол, та дата, когда иностранным корреспондентам были-де сделаны лишь «намеки» слушать 12 апреля какое-то — видно, особенное — сообщение по радио, а, согласно тому, что в сообщении агетства «Ассошиэйтед Пресс» было сказано в действительности, 7 апреля 1961 года — это дата, которая при «намеках», иначе — телефонных звонках, имевших место утром 12 апреля 1961 года, была упомянута, случайно или не случайно, в качестве как бы даты события, о котором должно было бы быть сообщено по радио в тот же день 12 апреля 1961 года несколькими минутами позднее.

Иными словами, в одном случае, по «Правде», 7 апреля 1961 года — это дата, когда, мол, иностранным корреспондентам что-то, дескать, намекалось о дне 12 апреля 1961 го-

да, а во втором случае, в действительности, 7 апреля 1961 года — это дата, о которой иностранным корреспондентам намекалось в день 12 апреля 1961 года. В общем, в действительности все как раз наоборот, чем о том — относительно дат 7 и 12 апреля 1961 года — было сказано в «Правде»!

И именно потому, что в «Нью-Йорк Гералд Трибюн» текст сообщения агентства «Ассошиэйтед Пресс» дан *правильно*, в нем, читая «Нью-Йорк Гералд Трибюн», не обнаружить хоть каких-либо противоречий: наоборот, все ясно, все логически связано и объяснимо одно с другим и одно из другого вытекает. А с другой стороны, как раз тем, что «Правда», перелагая с английского языка на русский часть сообщения «Ассошиэйтед Пресс», в одном месте полностью, коренным образом *извратила* истинный смысл сказанного, придав ему, фактически, совсем противоположное значение, и объясняется тот, на первый взгляд, казалось бы, странный, непонятный факт, что в «сообщении агентства», как оно «воспроизводится» «Правдой», на-лицо как бы «противоречия» и словно какие-то удивительные логические «неувязки». Передай «Правда» сообщение «Ассошиэйтед Пресс» правильно, без малейших извращений, то тогда в том, что в ней в этом случае можно было бы читать, разумеется, не было бы и не могло бы быть каких бы то ни было «противоречий».

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЕКСТ МОСКОВСКОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ТЕЛЕГРАФНОГО АГЕНТСТВА «АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС» ОТ 12 АПРЕЛЯ 1961 ГОДА В АМЕРИКАНСКОЙ ПЕЧАТИ

На английском языке:

MOSCOW, April 12. — The Soviet Union's announcement of the first manned space flight was surrounded by the usual Communist mystery.

There were many Western observers here who even question whether it actually took place today. They think it all was too well rehearsed and probably happened as long last Friday.

The British „Daily Worker“, which was the first to carry the story of the man in space, said it took place Friday. Today „The Worker“ said it was sticking by its original story, which it said came from „good sources.“

This is the date let slip by well informed sources when calling to tip off Western correspondents to be sure to listen to their radios at this morning.

These calls were spread around the press corps less than half an hour after the time that the Tass announcement later said Maj. Yuri Gagarin was sent into orbit.

The radio announcement, exactly on schedule at 7 GMT, said the young major was still in orbit.

(„New York Herald Tribune“, April 13, 1961)

Перевод:

МОСКВА, 12 апреля . . . Сообщение Советского Союза о первом космическом полете человека окружено обычной коммунистической таинственностью.

Многие западные наблюдатели здесь даже сомневаются, что он действительно имел место сегодня. Они полагают, что для того все было уж слишком хорошо прорепетированным и что полет, вероятно состоялся в последнюю пятницу.

Английская газета «Дэйли Уоркер», давшая первой сообщение о человеке в космосе, писала, что полет имел место в пятницу.

Сегодня «Дэйли Уоркер» заявила, что она остается верна первоначальной версии сообщения, полученной, как она сказала, из «хорошего источника».

Это (то-есть пятница, — С. В.) — та дата, о которой проговорились хорошо осведомленные лица при их телефонных звонках к иностранным корреспондентам этим утром, делавшихся с целью обеспечения того, чтобы они слушали радио.

Эти телефонные звонки раздавались у иностранных корреспондентов менее чем через полчаса после того, когда — как о том позднее было сказано в сообщении ТАСС — майор Юрий Гагарин был отправлен на орбиту.

Сообщение по радио, переданное ровно в 7 часов по Гринвичу, гласило, что молодой майор был еще на орбите . . .

(«Нью-Йорк Гералд Трибюн», 13 апреля 1961 г.)

ПОЧЕМУ?

Праздным, думается, было бы ставить вопрос, произошло-ли, мол, случайно, что «Правда», приводя в собственном «переводе» часть одного из сообщений американского телеграфного агентства «Ассошиэйтед Пресс», коренным образом извратила в одном месте его смысл сказанного — а именно там, где речь касалась даты 7 апреля 1961 года как возможной и даже, пожалуй, вероятной даты осуществления в СССР какого-то запуска человека в космос. Думается, что смело и с полной решительностью можно сказать, что эта «ошибка» не была какой-то ошибкой в фактическом смысле этого слова, а именно намеренным и сознательным извращением истинного смысла сказанного.

Более того, видно, не было бы заблуждением сказать даже — и даже утверждать, что сообщению агентства «Ассошиэйтед Пресс» было уделено внимание и отведено место в «Правде» вообще только лишь потому, что при знакомстве с ним в его оригинальном виде, то-есть на английском языке, была «открыта» возможность того, что путем лишь одной единственной переводной «ошибки», сказанному в одном месте его можно придать смысл, совсем отличный от действительного, но зато весьма приемлемый и даже выгодный для коммунистической пропаганды.

А если бы этой возможности не было, то, наверно, на том месте в «Правде», где оказались «Фомы неверующие из Ассошиэйтед Пресс», был бы просто помещен какой-то другой материал.

Думается, что в истинном виде сообщение «Ассошиэйтед Пресс» воспроизведено в «Правде» не могло бы быть потому, что в этом случае не только что не были бы поколеблены «подозрения», что 7 апреля 1961 года в СССР имел место какой-то запуск человека в космическое пространство, но, наоборот, для подобных «подозрений» стало бы тогда, фактически, еще больше почвы. Тогда скептически мыслящий

читатель «Правды» сказал бы, пожалуй: ну, если даже «хорошо информированные лица» в Москве заявили насчет 7 апреля что-то так, как если бы это должна была бы быть дата космического полета человека в СССР, то, видно, чему-то вроде того в этот день все же должно было бы уж случиться! А так — после того, что с сообщением агентства сделала «Правда» — «эффект» получился — или, во всяком случае, видно, полагалось, что получится — такой, словно не «Правда», словно не советские органы пропаганды, а сама «буржуазная» печать в лице известного и солидного американского телеграфного агентства якобы дает «свидетельство» тому, что «по логике вещей» в СССР 7 апреля 1961 года не должно было бы быть чему-нибудь вроде запуска человека в космос.

Спрашивается, из каких соображений, в силу каких причин «Правда» сочла нужным пойти на такой обман советских подданных с указанным сообщением американского телеграфного агентства? Ну, от советских властей ответа на это, разумеется, нет, не было и, безусловно, никогда и не будет. О причинах можно лишь догадываться. А если говорить только о самом этом факте обмана, то очевидно, что он уж никак не в пользу советских утверждений, заверений, уверений, что 7 апреля 1961 года в СССР никакого запуска человека в космос не было, что в космосе ничего-де не случилось и не было, а скорее уж в состоянии усилить имеющиеся уже подозрения и будить новые, что в действительности это не так, что в действительности 7 апреля 1961 года в «советском» космосе, видно, что-то все же произошло, случилось, да, должно быть, неладное, неудачное. Ибо иначе к чему, зачем, отчего столько явного усердия и несомненных стараний как прямо, так и хитрецей к тому, чтобы внушить людям, их уверить, что в СССР 7 апреля 1961 года был день как день, день без каких-либо событий необычайного порядка, в частности же — и в особенности — без таковых где-то над Землей, в космосе?

А ГДЕ ЖЕ КОМ-ПАРТ-ДИСЦИПЛИНА ? !

Как же советские органы реагировали на сообщение, появившееся 12 апреля 1961 года в английской коммунистической газете «Дэйли Уоркер», что «сын известного советского авиаконструктора» совершил полет в космическом пространстве, а также на слухи, что «советский» человек побывал уже в космосе, курсировавшие и всех волновавшие в Москве с понедельника 10 апреля 1961 года? Как уже сказано, в печати на то не последовало какого-либо ответа до тех пор, пока специальный корреспондент французского радиовещания и телевидения Э. Бобровский не выступил со своим сообщением относительно Ильюшина. Но устно представители тех да иных советских органов заявляли в ответ на соответствующие вопросы иностранных корреспондентов, что им «ничего неизвестно» о совершении какого-либо космического полета человека в СССР, что они «не располагают о том сведениями», что они «не могут подтвердить» каких бы то ни было сообщений о том. Из материалов в газетах на Западе можно видеть, что такие ответы иностранные корреспонденты в Москве получали до того, как в СССР 12 апреля 1961 года было официально оглашено, что «советский» человек побывал в космосе. А получаемые ими ответы, как можно видеть, не являясь подтверждением сообщениям и слухам, что в СССР мог уже иметь место запуск человека в космос, в то же время, фактически, и не означали отрицания, опровержения их. Ибо — ясно, что «не знаю было-ли» — это совсем не одно и то же, что «не было»!

Ответы, однако, сразу же приобрели иной характер, как только ТАСС сделал свое сообщение относительно Гагарина. Тогда везде и всюду — и не только в самом СССР, но и устами советских дипломатических представителей, ученых и иных лиц за границей — на все вопросы и предположения, что в СССР до 12 апреля 1961 года мог иметь место какой-то

запуск или полет человека в космос, звучало уж вполне определенное и решительное — нет! А оно — хотя *прямо* о том никто из советских официальных представителей или ученых, насколько известно, нигде и ничего не сказал — должно было бы означать собою, следовательно, и, так сказать, непризнание сообщения «Дэйли Уоркер» о космическом полете в СССР «сына известного советского авиаконструктора», напечатанного в этой газете, как уже сказано, еще до того, как ТАСС провозгласил «исторический» гагаринский «подвиг в космосе».

Казалось бы, если властимущие СССР, устами-ли каких-то их представителей или как-то иначе, заявляют по поводу чего-то, что его-де нет и никогда не бывало, то «обязанностью» их заграничных красных «единомыслящих», кто бы они ни были и где бы они ни были, должно было бы быть — немедленно раскрыть рот и во всю мощь своих «верных делу коммунизма» легких закричать в унисон, что да, да, ничего такого нет и никогда не бывало! Но как поступила «Дэйли Уоркер»? О, ужас, она *не выступила* с опровержением своего сообщения о космическом полете человека, сделанном до того, как ТАСС поведал миру, что «первый космонавт» — это-де Гагарин!

Более того, когда, например, лондонские корреспонденты американских «буржуазных» газет «Нью-Йорк Таймс» и «Нью-Йорк Гералд Трибюн», узнав о сообщении ТАСС, обратились в редакцию «Дэйли Уоркер» за разъяснением по поводу *ее* сообщения о космическом полете человека в СССР, сделаном до тассовского, то представитель газеты английских коммунистов заявил, что «Дэйли Уоркер» остается верной сказанному ею, что она от сделанного ею сообщения *не отказывается*, что ее сведения — о том, что в СССР до 12 апреля 1961 года был предпринят запуск человека в космическое пространство — из «хорошего источника».

Все это, разумеется, весьма «героически» со стороны английской коммунистической газеты — так решительно, так упорно отстаивать достоверность сказанного ею в одном из ее сообщений, когда различного рода «голоса» из СССР один

за другим не устают твердить и повторять, что «правда» в этом вопросе на стороне, мол, СССР и его властимущих.

Но в нежелании «Дэйли Уоркер» открыто отказаться от когда-то сделанного ею сообщения — дело, разумеется, не только в этом-де своего рода «геройстве». Оно, это нежелание, вместе с тем — и независимо от того, хотела бы того сама «Дэйли Уоркер» или же нет — несомненно в серьезной степени подрывает доверие к советским утверждениям и заверениям, что до «исторического» 12 апреля 1961 года в СССР не было «ни удачных, ни неудачных» попыток запуска человека в космическое пространство.

ПРОТИВОРЕЧИЙ — НЕ ОБЕРИСЬ!

Возможно, что дело с полетом в космос «сына известного советского авиаконструктора», о чем «Дэйли Уоркер» поведала в номере от 12 апреля 1961 года, в конечном счете и постепенно было бы позабыто, заглохло бы, если «зловредный» специальный корреспондент французского радиовещания и телевидения Э. Бобровский не «подлил бы масла в огонь» своим выступлением по Парижскому радио и телевидению 21 апреля 1961 года. На его уж «измышления» советская пропаганда и ее органы сочли нужным реагировать как-то и во всеуслышание, и они, как это видно из изложенного в данном труде, реагировали. Однако, как уже тоже сказано и показано в данном труде, в том, что они в связи с «уткой» об Ильюшине заявили, опровержения «утки», как такового, в действительности не содержалось. Вместе с тем в различного рода данных, относившихся к Ильюшину и приведенных в советской печати, содержалось немало противоречивого. А если же к тому добавить еще целую «уйму» разноголосицы в тех данных об Ильюшине, которые в апреле и мае 1961 года стали известны иностранным корреспондентам в Москве от советских органов, их представителей, а также от некоторых частных лиц, в частности от знакомых Ильюшина и семейства Ильюшиных, то, так сказать, «список разноречия» в данных об Ильюшине становится вполне пространым.

Очевидно, что не все из сообщенных данных были верны и могли быть верны. В частности, не может быть сомнения, что не только в советских данных об Ильюшине, но и в какой-то части тех, которые в более или менее официальном, полуофициальном или просто частном порядке почерпнули и смогли почерпнуть о нем в Москве иностранные корреспонденты, не все должно было бы быть правильно. Но это,

в конечном счете, не так уж и существенно! Более важно — и *прежде всего* важно — то, что между сведениями и данными, касающимися Ильюшина и исходящими из источников в СССР, *вообще* нет, так сказать, «гармонии и согласия». А этот факт, разумеется, никак уж не хорош, никак уж не благоприятен для коммунистической пропаганды.

Потому что, если с кем-то все должно бы быть действительно в порядке, если никто не боится сказать истинную правду, не хочет, не должен, не считает нужным что-то замолчать, утаить, что-то сказать не так, как надо, что-то извратить, то в таком случае и в данных об этом лице, во всем, что о нем говорится, пишется, сообщается, утверждается, должен бы существовать тоже полнейший порядок — никаких разноречий, никаких противоречий.

Имеются-ли еще какие-нибудь факты, которые хотя бы лишь чисто теоретически могли бы служить чем-то вроде «косвенного свидетельства» или в качестве пусть лишь своего рода «отдаленного намека» тому и на то, что в СССР мог бы быть предпринят какой-то запуск человека в космос в дни, *предшествовавшие* 12 апреля 1961 года?

Ну, к фактам подобного рода, пожалуй, можно бы причислить тот, что советские специальные суда с оборудованием для наблюдения — радиотехнического, а, как в одном месте данного труда уже указывалось, возможно, что и для оптического — за спутниками и ракетами, запускаемыми в СССР, уже с *ранних* чисел апреля 1961 года находились на «своих местах» в Тихом и Атлантическом океанах. Этот факт в свое время был отмечен, например, газетой «Нью-Йорк Гералд Трибюн», которая в номере от 11 апреля 1961 года указывала, что к тому времени суда находились в обоих океанах, на своих местах, уже «около недели», то-есть, иными словами, видно, примерно с 3, 4 или, пожалуй, 5 апреля. Появление их там в эти дни, для того, чтобы осуществить наблюдение за советским космическим кораблем-спутником «Восток I», представляется, собственно, несколько ранним, так как «Восток I» запущен был ведь лишь 12 апреля 1961 года. Но пребывание советских судов на «их» местах в океа-

нах уже в те дни было бы, разумеется, логичным и естественным, если бы это было связано с каким-то запуском в космическое пространство, назначенным в СССР на какой-то более ранний день, чем 12 апреля, скажем — на 7 апреля.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДВЕ ЦИТАТЫ ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ

Английский текст:

„MOSCOW, April 10... Soviet tracking ships have been deployed in the Pacific and North Atlantic for about a week...“

(„New York Herald Tribune“, April 11, 1961)

Перевод:

МОСКВА, 10 апреля... Советские суда для слежения за объектами, запускаемыми в космос, в течение примерно недели находятся в Тихом океане и в северной Атлантике...»

(«Нью-Йорк Герлд Трибюн», 11 апреля 1961 г.)

В ТРЕХ ЛИЦАХ ЕДИН, А ИСКАТЬ ВЫСОКО — ЧТО ТАКОЕ?

Заголовок выше не имеет какого-либо отношения к христианской религии, к ее учению и постулатам, и он не принадлежит к загадкам разряда, так называемых, армянских. Это — просто вопрос, обращенный к тем, кто считает себя, пожалуй, специалистом по вопросам, так сказать, «советско-спутниковедения». Для них ответ на поставленный вопрос не должен быть труден. Они знают, что, согласно советским утверждениям, «един в трех лицах» должен бы быть советский космический корабль-спутник «Восток I».

А о том, что это, дескать, «так», стало известно с 25 апреля 1961 года, когда в советской печати были приведены различного рода данные — частично до того уже известные из материалов в советских газетах, а частично новые — относительно того «исторического» и того в космосе, что, согласно опять-таки советским данным, оказалось осуществлено в СССР 12 апреля 1961 года. В данных от 25 апреля 1961 года, среди прочего, утверждалось дословно, что:

«В результате большой и напряженной работы был создан космический корабль «Восток».

В марте 1961 года были произведены два последних контрольных пуска этого корабля.

В этих пусках в кресле пилота размещался манекен. Кроме того, в кабине находились подопытные животные — собаки Чернушка и Звездочка . . .

Тщательная предварительная отработка корабля-спутника «Восток» обеспечила полный успех при первом же запуске его с космонавтом на борту, который был осуществлен 12 апреля 1961 года».

Итак из данных выше получается, что тот космический корабль-спутник, который под именем советского четвертого космического корабля-спутника — и с собакой на борту — был в СССР запущен — и, согласно советским данным, возвращен обратно на Землю 9 марта 1961 года, идентичен с тем космическим кораблем-спутником, который называясь

советским пятым космическим кораблем-спутником и с собакой на борту — был запущен — и, по советским данным, возвращен обратно на Землю — 25 марта 1961 года, а тот и другой идентичны, мол, тому советскому кораблю-спутнику, который под именем «Восток» — и, согласно советским данным, с человеком на борту — был запущен — и, по советским данным, возвращен обратно на землю — 12 апреля 1961 года. Спрашивается, если все это так, то зачем и почему об этом нужно было молчать, это скрывать, утаивать до последних чисел апреля 1961 года? Почему, например, о том, что № 5 — это, мол одно и то же, что № 4, не было объявлено, скажем, уже при запуске № 5, а то, что «Восток» — это, мол, то же самое, что и № 4 и № 5, не было предано гласности уже при запуске «Востока» или хотя бы 1-2 днями позже? Ведь утаивание так долго этого факта — если это действительно факт — от общего сведения никак нельзя рассматривать и расценивать иначе, как лишь намеренное и сознательное введение в заблуждение, как просто сознательный и намеренный обман всех и вся в СССР, всех людей в мире. Тем более, что каждый из этих космических кораблей-спутников запускался под иным названием — собственно, на каком основании, если, согласно советским данным, все они один и тот же космический корабль-спутник? — и о все их приведены были в советских органах печати и в сообщениях по радио не одни и те же данные. Это все, разумеется — весьма яркий, наглядный и, скажем так, убедительный пример тому, что советские влестымушие и их органы и средства пропаганды, по крайней мере, не всегда честны и искренни, сообщая в то или иное время что-либо о советских успехах или же просто о работах по освоению космического пространства.

В связи со сделанным в СССР так сказать «разоблачением» об «идентичности», мол, трех советских космических кораблей-спутников — № 4, № 5 и «Восток», нельзя не отметить, что оно последовало как раз в такой момент, когда в мире стали известны новые сведения, говорившие как будто за то, что в один из дней, предшествовавших 12

апреля 1961 года, в СССР был предпринят — с неудачным результатом — запуск человека в космос.

Случайно-ли такое совпадение во времени этих двух фактов? Очевидно, что ответ на это могут знать лишь советские властимущие. Однако не может не обратить на себя внимания то обстоятельство, что объявление об идентичности, мол, трех советских космических кораблей-спутников, запущенных за период времени с 9 марта по 12 апреля 1961 года, словно «косвенным образом» отвергает возможность того, чтобы запуску 12 апреля 1961 года, за несколько дней ранее, мог бы предшествовать какой-то несчастный случай с кем-то в космосе.

Ибо разве, мол, не «ясно», что если запуски 9 марта, 25 марта и 12 апреля представляли собою-де трехкратный запуск одного и того же космического корабля-спутника, то какой же еще космический корабль-спутник — с космонавтом на борту — мог бы в таком случае быть запущен в один из дней до 12 апреля 1961 года! Это должен был бы быть какой-то уж *другой* космический корабль-спутник, а его, согласно советским данным от 25 апреля 1961 года (см. цитату выше) в СССР, по крайней мере — до 12 апреля 1961 года, мол, не было!

Таков, казалось бы, «логический» вывод надлежало бы сделать, исходя из «факта», мол, «идентичности» советских космических кораблей-спутников № 4, № 5 и «Восток».

Но факт-ли это в действительности? Можно-ли ему верить, исходя лишь из голословного советского утверждения о том, и тем более, что, исходя, равным образом, из советских же данных, до 25 апреля 1961 года можно было бы думать и предполагать *только* то, что названные выше три советские космические корабля-спутники — это не один и тот же, а, наоборот и именно, *три различных*?

И так-ли уж это бесспорно и безусловно, что до 12 апреля 1961 года не мог, мол, быть предпринят какой-то запуск человека в космос просто, мол, потому, что для того не было какого-нибудь иного космического корабля-спутника? Не было его *в действительности*?

КАЖДЫЙ-ЛИ СПУТНИК МОЖНО ОБНАРУЖИТЬ В КОСМОСЕ?

Когда английская коммунистическая газета «Дэйли Уоркер» сообщила о том, что в СССР, предположительно — 7 апреля 1961 года, была предпринята попытка космического полета человека, то это сообщение никак уж не было «подхвачено» некоммунистическими газетами Запада — с тем, скажем, чтобы сделать из него какую-то «пропаганду», неблагоприятную для СССР. Как правило, некоммунистические газеты просто проинформировали своих читателей о сказанном в сообщении «Дэйли Уоркер» — и при том без какой-либо тенденциозности, наоборот, совершенно беспристрастно, можно сказать, по-деловому и в большинстве случаев — даже только в кратких словах.

А некоторые из них попытались даже найти те или иные доводы *против* того, что запуск в космическое пространство, о котором известила «Дэйли Уоркер», действительно мог иметь место в СССР.

Так, один из доводов — высказанный, в частности, американской газетой «Нью-Йорк Таймс» — гласил, что если бы космический корабль-спутник с космонавтом на борту совершил — как это писала «Дэйли Уоркер» — три оборота вокруг Земли, то в этом случае он после трехкратного облета Земли не мог бы «приходить» над «ожидаемым районом приземления». Что можно сказать в ответ на этот довод? Думается, что он — не верный.

Территория Советского Союза ведь такая большая, что на ней, собственно, должно было бы найтись место, подходящее для приземления какого-нибудь спутника, после совершения им в космосе, фактически, почти любого числа оборотов вокруг земного шара.

Второй из доводов, высказанных в «буржуазной» печати Запада в связи сообщениям «Дэйли Уоркер» и против него, заключался в том, как это, например, писала лондонская газета «Таймс», что «спутник, который облетает Землю и посылает сигналы на трех радиоволнах, не может рассчитывать на то, чтобы остаться незамеченным». Этот довод — более серьезный, но и на него имеется ответ, а именно тот, что спутник с человеком на борту мог *не* посылать радиосигналов — скажем, по причине выхода из строя радиопередаточной аппаратуры.

А если вспомнить, например, то, что было сказано Э. Бобровским — специальным корреспондентом французского радиовещания и телевидения — в его выступлении по Парижскому радио и телевидению 21 апреля 1961 года, космический полет человека, предпринятый, согласно им сказанному, до 12 апреля 1961 года, оказался неудачным в частности — или, пожалуй, даже главным образом — как раз из-за того, что между космонавтом, а им должен был бы быть Ильюшин, и Землей прервалась радио-связь.

Правда, и «молчащий» спутник может быть обнаружен в космосе. Но обязательно-ли всегда? В особенности, если «молчащий» спутник — с человеком-ли на борту или без человека — запущен, но о запуске его неизвестно — или, во всяком случае, еще не известно? Думается, что обнаружить такой спутник сразу же, на одном из его первых оборотов вокруг Земли, дело — не совсем уж простое. Тем более, что советские спутники запускаются обычно на такую «трассу» в космос, что они на первом обороте вокруг Земли пролетают лишь над территорией СССР да над Африкой.

И, видно, на такую — обычную для советских спутников — «трассу» должен был бы быть запущен в СССР и тот космический корабль-спутник с человеком на борту, о котором сообщено было в «Дэйли Уоркер» 12 апреля 1961 года (если, конечно, он в самом деле был запущен).

Кстати сказать, своего рода косвенным «за» в пользу того, что «утка» об Ильюшине, пожалуй, и не совсем уж «утка», мог бы, возможно, служить еще именно тот

факт, что первой об осуществлении в СССР за несколько дней до 12 апреля 1961 года неудачного запуска человека в космическое пространство сообщила как раз коммунистическая газета. Ибо, как, например, указывалось в некоммунистических западных газетах, коммунистические корреспонденты в Москве узнают о важных и значительных событиях в СССР *раньше* — да, видно, и больше, — чем корреспонденты «буржуазных» газет.

КОСМОНАВТ НА ПОЧТОВОЙ МАРКЕ

Мы привели немалое число фактов и данных, так или иначе связанных с вопросами запуска в СССР человека в космос.

Мы далеки от того, чтобы утверждать или хотя бы думать, что без исключения все из приведенных в настоящем труде фактов и данных заслуживают к себе серьезного внимания, а тем более — полного доверия. Но знать их, как говорится, не мешает и даже, вне сомнения, полезно. Потому что знание их — и о них — позволяет судить о том, что и как в СССР делается с целью осуществления космических полетов человека, уже не с какой-то лишь сильно ограниченной, узкой точки зрения, основывающейся исключительно на материалах, которые приводятся в советских изданиях, да на том, что порою можно узнать из выступлений тех или иных более или менее видных деятелей в СССР. Знание фактов и данных из других источников, чем лишь советские, знание фактов и данных, о которых в СССР не сообщается, дает возможность иметь на все то, что касается проблем осуществления в СССР космических полетов человека, уже более широкий — и, прежде всего, объективный — взгляд, а вместе с тем и более объективное, более правильное — а, главное, действительно собственное — мнение. И тому служить — это именно та цель, с которой написан данный труд.

В заключение же всего сказанного в данном труде — еще один факт, который, думается, тоже должен бы быть не лишен интереса. Он касается серии почтовых марок, выпущенных в СССР в связи с «историческим событием» 12 апреля 1961 года.

Как известно, были выпущены три марки — одна достоинством в 10 копеек, другая — в 6 копеек, а третья — с порт-

ретом Гагарина — в 3 копейки. Мы остановимся прежде всего на первой из них — десятикопеечной.

Она поступила в продажу раньше двух остальных — уже 13 апреля 1961 года, и на ней изображена многоступенчатая ракета со шлейфом разреженного воздуха позади ее, на котором — красной краской на белом фоне — напечатана дата «12-IV-1961». В левом же верхнем углу марки видно лицо какого-то космонавта, находящееся в шлеме скафандра.

Это лицо — не лицо Гагарина и даже не того типа лиц, к которому принадлежит лицо Гагарина. Это — скорее, лицо «ильюшинского» типа.

Вопрос, который теперь невольно возникает, таков: не могло-ли быть так, что лицо космонавта на почтовой марке — это не совсем точное изображение лица того, кто «по плану» должен был быть «первым» в космосе? Не могло-ли дело обстоять, предположим, так, что в связи с его предполагавшимся успешным полетом в космос эта почтовая марка была подготовлена к выпуску в свет уже заранее — без даты полета — и должна была быть выпущена сразу же после того, когда — и если бы — космонавт из его полета в космос благополучно вернулся бы на Землю? Конечно, доказательств тому, что это так могло быть, нет. Но значит-ли, что того действительно не могло бы уж быть? Тем более, как уже сказано, что лицо космонавта на почтовой марке — это явно лицо не «гагаринского» типа.

Что же касается даты «12-IV-1961», имеющейся на этой почтовой марке, то это, разумеется, еще не опровержение тому, что выпуск марки не был и не мог быть приурочен к какой-то другой дате, скажем, к дате 7 апреля 1961 года.

Ведь могло же быть так, что марка была подготовлена к выпуску в свет, *еще не имея* на белом фоне шлейфа разреженного воздуха позади многоступенчатой ракеты на ней даты «12-IV-1961». Эта дата такого вида и находится на таком месте на рисунке этой марки, что она, собственно, вполне могла бы появиться на ней, так сказать, в «дополнительном порядке». Более того, если она, эта почтовая марка,

действительно была подготовлена к выпуску заранее, то она в ее «подготовленном» к выпуску в свет виде даже, собственно, и не должна была бы уже иметь дату. Эта дата с достоверностью должна и могла стать известной фактически лишь после осуществления самого полета, а не до того, так как даже уже твердо назначенная дата в силу различного рода причин, не говоря уж о такой, что сам полет мог не удался, могла бы несколько раз меняться — скажем, из-за неудачной для осуществления полета погоды в тот день, когда полет по плану должен был бы состояться, или же из-за каких-то установленных в последний момент технических неполадок с ракетой-носителем, наконец, просто из-за внезапного недомогания самого космонавта как раз в тот день, когда ему по плану следовало бы отправиться в космос — и т. д.

А теперь о «гагаринской» почтовой марке — марке с изображением на ней Гагарина. На этой марке дата «12-IV-1961» представляет явно органическую часть всего рисунка марки — как по виду, так и по тому месту, которое она на рисунке марки занимает. Она просто не могла появиться на марке как-то дополнительно. А раз это невозможно, то значит, что клише этой марки было сделано лишь после того, как было объявлено о «космическом подвиге» Гагарина, то-есть никак уж не раньше самого дня 12 апреля 1961 года, а скорее — лишь 1-2-3 дня позднее.

И тут возникает вопрос: если Гагарин, как утверждается, был «отобран» для «космического полета» задолго до 12 апреля 1961 года, то почему-же, в таком случае, почтовой маркой, как видно, заранее подготовленной к выпуску в свет по случаю «первого полета в космосе советского человека», была не какая-то марка с изображением Гагарина, а марка, изображающая в качестве безымянного космонавта человека, на Гагарина совсем не похожего? Нет-ли в этом факте какого-то словно косвенного свидетельства, намек на то и на то, что Гагарин оказался «провозглашен» в СССР в качестве «первого советского космонавта» лишь в каком-то «внеплановом» порядке, а что по плану, как это намечалось

первоначально и в действительности, «первым советским космонавтом» должен был стать кто-то другой?

Таковы вопросы и таковы мысли, возникающие при рассмотрении почтовых марок, которые оказались выпущенными в СССР в ознаменование «исторического события 12 апреля 1961 года». Они будят подозрения, что в действительности датой первого удавшегося советского запуска человека в космос должен был бы быть какой-то день, предшествовавший 12 апреля 1961 года, и что называться «первый советский космонавт» должен был иначе, чем Гагарин. Но насколько справедливы эти подозрения — это вопрос, на который трудно ответить, пожалуй, даже невозможно — ни теперь, ни, видно, в сколь-либо ближайшем будущем.

10 августа 1961 года.

